

The background of the entire cover is a scenic landscape. In the foreground, a woman wearing a blue patterned dress and a white headscarf is walking away from the viewer on a rustic stone path. To her left, there are vibrant red poppies and white daisies growing among the rocks. In the middle ground, a small town with a prominent domed mosque is nestled on a hillside. The background features majestic, snow-capped mountains under a warm, golden sunset sky. The overall mood is peaceful and evocative.

ИСМОИЛ ШОМУРОДОВ

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ

СТРАНА МЕЧТЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Исмаил ШОМУРАДОВ

Женщина в голубом.

Страна мечты

<https://litres.ru/74668563>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Страна мечты» — третья книга романа Исмоила Шомуродова «Женщина в голубом». История любви, вины и несбывшихся надежд завершает повествование о нескольких поколениях жителей Гултепы. Здесь прошлое продолжает жить в человеческих сердцах, а родной кишлак остаётся местом, куда возвращаются и люди, и их мечты.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

116

Исмаил ШОМУРАДОВ

Женщина в голубом.

Страна мечты

СТРАНА МЕЧТЫ

Хочу не хотеть

Боязид Бистомий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1999 год.

Ночью позвонил дежурный.

Оказывается, я должен немедленно явиться на работу: объявлена тревога. Наконец-то я вздохнул с облегчением – словно гора с плеч свалилась. Зоир-ака уже целый год долбил нам в уши: «Будет тревога – кто опоздает, тому голову снесут!» Я боялся одного: не услышать вызова. Теперь голова останется на месте, пусть и не совсем целая. Только бы поймать такси.

Долго говорить по телефону не удалось: дежурный положил трубку. У него, надо полагать, хватает забот и без того, чтобы всё мне объяснять. Мало, что ли, таких, как я? Если каждый задаст хоть два вопроса, разговоры займут больше времени, чем радиопередача «Для тружеников села». А ведь наши сотрудники двумя словами не довольствуются. Иные и базарную бабу переговарят – челюсть не устает. Чтобы не уподобляться им, я лишнего не спрашивал. Не стал выяснять, учебная тревога или настоящая. Впрочем, в такое время тревога может быть только учебной: два часа ночи всё-таки. Преступник ведь тоже человек – небось спит.

Зоир-ака – заместитель начальника по службе. За своевременный сбор личного состава и боевую готовность отве-

чает он. За этот год четыре раза проверял наши тревожные чемоданы.

— Вам, оболтусам, хоть тысячу раз говори — всё без толку, — заявляет он на занятиях «Просвещение». — Тревожный чемодан всегда должен быть наготове. Вот ты, Бахтиёр... Эй, когда с тобой разговаривают, встань... Так... В прошлый раз мы проверяли: у тебя в чемодане ни консервов, ни компаса, в фонарике батарейки сели, лампочка перегорела. Это что такое? Что проверяющему скажем? Мало того, ты туда три старых носка засунул, пятки дырявые, а на майку и трусы вообще смотреть невозможно... Сядь. Всё это приведи в порядок, пожелтевшее хоть постирать отдай... А лучшие уборщице Флоре-она подари, доброе дело сделаешь: на половые тряпки пустит... Сядь, чего торчишь... И ещё: по тревоге каждый выходит со своим чемоданом. В прошлый раз перед проверяющим опозорился. Дилишод чемодан Татьяна Владимировны прихватил. Проверяющий открыл, заглянул: «Чей?» — «Мой», — отвечает этот болван. Проверяющий потянул — а оттуда «шапочки для близнецов» вылезают, бюстгальтер, значит. Вы же знаете, Татьяна Владимировна эсеница крупная, так и эта проклятая штука ей под стать оказалась. Тут уж не Дилишод, а сам проверяющий смутился... Чтобы больше такого не было! Бахтиёр, ты ведь с Татьяной Владимировной в одном кабинете сидишь? Смотри в оба, это прежде всего тебя касается. Не надо хватать чемодан того, кто сам не явился,

и бегом тащить его наружу.

Зоир-ака прав: что-нибудь сохранить в этом тревожном чемодане нелегко. В холостые годы у меня ни одного целого носка не было. Четыре таких и положил в чемодан; майки и трусы – того же качества. Шесть лет уже прошло... Я поступил на службу, а они – в тревожный чемодан. Раз не нужны, старьё туда и запикиваем. Новое сами носим, как же иначе. Насчёт консервов ничего сказать не могу. Дилшод-ака на еду жаден: возьмёт, откроет – и съест. Вместо двухсуточного запаса продовольствия у меня в чемодане горсть сухарей из хлеба пятилетней давности, сперва заплесневевшего, потом засохшего. С водой проще: пока проверяющий до нас доберётся, успеем наполнить какую-нибудь пластиковую бутылку и сунуть внутрь.

Вообще-то странно, что люди, живущие в эпоху прогресса, на исходе XX века, возятся с такими мелочами. Разве наша главная задача, как говорят философы, – не познание внутреннего мира человека, его мышления, самого себя? А в жизни почему-то всё иначе. До сих пор сухари да бутылку воды проверяем.

После звонка дежурного все эти заботы и завертелись у меня в голове. Я растолкал жену и велел собрать в сумку всякие принадлежности для чистоты и прочих повседневный скарб. Нож, полотенце, мыло, нижнее бельё – чистым бельём я собирался поразить проверяющего, а заодно и Зоира-ака. Не забыл также банку клубничного варенья и такую

же банку солёных огурцов. Год-другой назад, когда я жил на съёмной квартире, хозяин подарил мне огромную сумку, в которой возил товар из Китая. При каждом переезде она выручает: всё нажитое в неё помещается. Взял её, отряхнул пыль, засунул туда половину домашнего хозяйства, попрощался с женой и отправился.

Почему-то возле входа в наше здание никого не было. По всем правилам здесь должен стоять проверяющий с листом бумаги и ручкой. Я удивился. Зато в дежурной части работа кипела. Четверо коллег всё ещё обзванивали сотрудников по разным телефонам. Крик, шум. Зоир-ака стоял в дверях и следил за прибывающими.

– Ну? – спросил заместитель начальника, небритый, с запавшими глазами. – Что ты в эту сумку напихал? Переезжаешь, что ли?

– Это? – замялся я. – Хотел в тревожный чемодан положить.

– Какой ещё чемодан? Иди надевай форму и будь готов. Таких, как я, выдернутых из сна и не знающих, что делать, оказалось немало. Ходят по коридору, перекрикиваются. Чтобы никто не увидел мою сумку, похожую на мешок для соломы, и не поднял на смех, я поспешил открыть кабинет. Как назло, ключ никак не находился.

– Что это вы в сумке несёте? – спросил Олим из соседнего кабинета.

– Форму отдавал стирать. Вот принёс.

Как назло, делать ему было нечего, и он вошёл следом за мной. Я весь извёлся: ушёл бы поскорее – достал бы форму из шкафа и оделся. А он расселся.

– Что, интересно, случилось? – спросил он, не замечая моей суеты.

– Не знаю, кому-нибудь плохой сон приснился, наверное, – ответил я, не зная, сесть мне или стоять. – Хотят, видимо, проверить, за сколько времени мы соберёмся.

– Проверяющего нет, – сказал Олим. – Что-то случилось. Вы Зоира-ака видели? Вид у него совсем другой.

– Тогда мне надо поскорее одеться. Увидит меня сейчас в таком виде – отругает.

– Одевайтесь, – сказал Олим и устроился поудобнее, словно я пообещал показать ему стриптиз.

Вижу – дело плохо, сейчас моя ложь раскроется. Я рухнул в кресло:

– Успеем ведь, правда? Война же не началась.

Так и сидели, болтая о том о сём.

Из коридора донеслась команда: «На построение!»

– Вот тебе раз! – сказал Олим. – Какое ещё построение? Не понимаю... А вы ведь ещё форму не надели.

– Сейчас управлюсь, – ответил я, дожидаясь, когда он наконец уйдёт. – В армии за сорок секунд одевался. Успею.

Олим ушёл. Я торопливо вытащил из шкафа форму и стал одеваться. Ошибся я: от армейской сноровки и десятой доли не осталось. Пока разделся да оделся, пять минут

прошло.

Открыл дверь, вышел в коридор – а Зоир-ака стоит как раз возле моего кабинета и командует построенным личным составом.

– Ну? – спросил он с издёвкой. – К вам приказ не относится?

– Относится... – растерялся я.

Обращается на «вы» – значит, дело плохо, настроение у него скверное.

– Тогда почему вовремя не встали в строй? Всё управление должно вас ждать? Сейчас начальник выйдет, а вы ещё не готовы.

– Пока начальник выйдет, я уже встану в строй.

– Вы в последнее время слишком разговорчивы стали, – сказал Зоир-ака и повернулся к личному составу.

А я так и остался торчать на месте. Не знал, с какого конца пристроиться к ряду, вытянувшемуся по коридору, словно кишка.

Зоир-ака читал сотрудникам лекцию о внутреннем распорядке, дисциплине и уважении к старшим по званию и должности, а я всё топтался, не зная, куда податься. Взгляды множества людей давят, заставляют чувствовать себя неловко. Вот и я сейчас был в таком положении.

– Эй, ты! – наконец вернулся Зоир-ака к привычному «ты». – На место встанешь или тебе моё уступить?

Я поспешил на правый фланг.

– В помещении без головного убора! – крикнул мне вслед Зоир-ака.

Глянул – все без головных уборов, один я торчу в фуражке.

Не успел ещё пристроиться с краю, как из своей кабинета степенно вышел начальник: волосы с проседью, на руках мышцы, выдающие прежнее увлечение спортом, зато живот – как барабан. Зоир-ака кое-как доложил, что личный состав по приказу построен.

– Дело такое, – громко сказал начальник. – Обстановка тяжёлая. Министерство запрашивает у нас десять человек. В горах что-то произошло. Говорят: «Немедленно направьте к нам десять расторопных, молодых, спортивных парней, патриотов». Сейчас отберём. Кто поедет?

Этот вопрос начальник задал Зоиру-ака, важно торчавшему рядом.

– Капитан Бердиев, – сказал Зоир-ака, не задумавшись и не помедлив.

Сердце у меня кольнуло. Нет, не оттого, что предстояло куда-то ехать – хотя и этого было жаль: я ведь половину хозяйства сюда притащил, хорошо хоть мантоварку дома оставил. Кольнуло оттого, что меня решили наказать. Никто ещё не знает, куда нас отправят; может, поддерживать порядок в детском лагере. Тогда месяц-другой отдохнул бы... Чистый горный воздух, бесплатная еда... В горах ведь чайханы нет, чтобы покупать еду за свои деньги, зна-

чит, кормить будут бесплатно. Вообще-то я в таких командировках никогда не бывал. Те, кто ездил, говорят: красота.

Но, судя по лицу начальника, путёвку в лагерь отдыха нам не предлагали.

Начальник ждал, что Зоир-ака продолжит. Тот молчал. Повисла неловкая тишина.

– Бердиев – один человек. А остальные девять? – спросил начальник.

– Сейчас.

Зоир-ака обвёл строй беспощадным взглядом волка, выбирающего добычу. У некоторых шеи сами собой втянулись в плечи. Похоже, кроме меня, подходящего на заклание он не нашёл. Разочарованно повернулся к начальнику:

– Сейчас, через пять минут принесём список. Надо с начальниками отделов посоветоваться. У некоторых важные дела.

– Хорошо, – сказал начальник, повернулся и скрылся в кабинете.

Нас распустили.

Я сидел у себя, когда несколько коллег заглянули посочувствовать:

– Не горюй, всё пройдёт. Вас ведь десять человек, не заскучаете, будете разговаривать.

– Если дома что-нибудь передать надо, скажи. Человек смертен... Случится что – чтобы потом сожалений не

осталось.

– Эх, меня бы тоже послали, отдохнул бы в своё удовольствие... Куда, интересно? Проезд платят? А суточные? В прошлом году на хлопок ездили – ничего не заплатили. Зря только мотались.

Список из десяти человек был готов. Все, кроме меня, лейтенанты: в прошлом году или в этом окончили военное училище. Из-под пяток искры летят. Захотел прикрыть свою ложь – вот и угодил в такой сомнительный список.

Нас, оказывается, ждали в министерстве. Велели немедленно собраться во дворе.

– Тревожный чемодан взять? – спросил я.

– Кому твоё барахло нужно? Иди быстрее, не зевай! – прикрикнул Зоир-ака. Почему-то сегодня я ему не нравился.

– Куда едем? – спросил один из лейтенантов у Зоира-ака, сидевшего впереди, когда нас втиснули в три легковые машины. – С домашними не попрощались. Надолго?

– Мы за вас прощаемся, – сказал Зоир-ака. – Похоже, дело серьёзное. Нам тоже ничего не сообщили.

У меня всё внутри сжалось. Дома ведь жена, дети – хоть попрощаться бы с ними. Я пытался позвонить, но жена, наверное, после моего ухода снова заснула: трубку никто не взял. Вообще-то такой жене и прощального слова жалко, но когда едешь неизвестно куда, поневоле тревожишься и становишься чувствительным.

В здании министерства шум и суета – словно в осиное

гнездо палкой ткнули. Во дворе собралось немало таких же, как мы. Какой-то военный принял нас и список у Зоира-ака, поставил с краю строя и передал здоровенному чернявому верзиле, чьё рябое лицо различалось даже в полумраке. Это, оказывается, наш командир отряда. Вид у него диковинный. за спиной автомат, на нём пятнистая полевая форма в синих тонах, поверх – чёрный жилет с множеством карманов, какие носят бойцы специальных подразделений. Карманы набиты всякой всячиной – наверное, магазинами к автомату. На голове чёрный берет. Словно положительный герой, только что вышедший из плохого боевика.

– Дело такое, – обратился он к нам. – С этой минуты вы поступаете в моё распоряжение. Ребята покажут, куда идти: получите камуфляж, вещмешок, продовольствие, оружие и боеприпасы, одеяло, каску, бронежилет и прочие средства индивидуальной защиты. На всё десять минут! Кто опоздает – пеняйте на себя... Кстати, есть среди вас такие, кто автомат в руках не держал, в армии не служил? Если есть – шаг вперёд, заменим.

Никто не отозвался. Тогда он приказал стоявшему рядом военному, ростом поменьше, но увешанному таким же снаряжением:

– Немедленно обеспечьте их всем необходимым, выдайте оружие.

Военные будто из-под земли появлялись: вооружённые, каждый занят своим делом. Едва я увидел их, сердце уже

ушло в пятки. А от этих слов и вовсе голова кругом пошла. «Война началась, точно война началась!» – решил я.

Нам торопливо выдали пятнистую военную одежду и крепкие солдатские ботинки на толстой подошве. Времени, видимо, мало – нас подгоняли. На краю двора, в полумраке, сняли форму и переоделись в камуфляж. Охапки своей одежды передали водителю Зоира-ака. Строем пошли в оружейную. Расписались в журнале, получили автоматы, боеприпасы, бронежилеты. В общем, превратились в настоящих военных. Смотрю на товарищей – и мне не по себе. Не зря же столько хлопот? Наверняка что-то случилось.

Вскоре нам выдали вещмешки и продовольствие на двое суток. Тут я вспомнил, как Зоир-ака целый год твердил: «Тревожные чемоданы держите наготове, чтобы всё было! Если чего-нибудь не хватит, строго накажу!» – и усмехнулся. Оказывается, и без чемодана можно обойтись.

Кроме нас, нашему командиру придали ещё двадцать сотрудников. Он собрал всех и произнёс небольшую речь:

– Уважаемые коллеги... – начал он официальным тоном, помолчал и, поняв, что обстановка не располагает к речам с трибуны, продолжил на своём простом языке: – В общем, легко не будет. Какую задачу перед нами поставят, я и сам пока не знаю. Но одно ясно: это не учения и не игра. У вас в руках настоящее оружие, боевые патроны. Не вздумайте шутить. Все вы люди взрослые, понимаете: шутка может плохо кончиться. Требую держать себя в руках, не панико-

вать и подчиняться приказам. Мы приступаем к службе практически в условиях военного положения. Легко не будет никому. Если кто-то не хочет с нами ехать, боится – может прямо сейчас сдать оружие и выйти из строя. Мы ему ничего не скажем.

Все переглянулись. У многих в сердце сидел страх, но никто не вышел: любопытно, что же будет дальше. А если кто и трусил, ему было стыдно выйти. В таком положении человек и навстречу смерти идёт. Люди придают друг другу храбрости – стоя в строю, я убедился в этом. Раньше часто думал: что человек делает в бою? Как идёт прямо навстречу смерти? Почему не убегает куда-нибудь? Теперь нашёл ответ: сама обстановка делает человека бесстрашным, отважным, воодушевляет его. Это вроде опьянения: всё, кроме главного происходящего события, перестаёт существовать.

Командир подождал, пока мы всё обдумаем.

– Значит, все согласны? Чтобы завтра, когда станет трудно, никто ко мне плакать не приходил... Все мы мужичины, трудности терпеть придётся. Если в такой обстановке себя не покажем, разве не стыдно погоны носить? Обманывать никого не стану: трудно будет. Раз согласились ехать, всё выдержите.

Сказав это, командир перевёл дух.

– Сейчас разделим отряд на группы.

Он подошёл к строю.

– Кто из охраны? Десять человек? Кто старший по званию?

Пришлось подать голос:

– Я. Капитан Бердиев.

– Значит, будете командиром группы. За девять своих ребят отвечаете головой. Понятно?

– Понятно... Но...

Я ведь пединститут окончил, в военных порядках не особенно разбираюсь. Хотел возразить. Офицеров вроде меня, выпускников гражданских институтов, те, кто учился в военных вузах, насмешливо называют «пиджаками». Вот сейчас во мне этот самый «пиджак» и заговорил.

– Никаких «но»! – сказал командир. – Это приказ. При военном положении приказы выполняются беспрекословно.

– Мы воюем с армией какого-то государства? – испуганно спросил я.

Когда-нибудь язык доведёт меня до беды.

Командир уставился на меня. Даже в полумраке я уловил его огненный взгляд. Он задумался, понял, что перегнул, и уже тише сказал:

– Говоря о военном положении, я имею в виду не войну, а то, что вам выдали боевое оружие... Вы тут не изображайте юриста, не ищите правовой смысл в каждом слове. Понятно?

– Понятно!

Командир внимательно посмотрел на меня, заметил по-

гоны и переменялся в лице:

– Это что такое?

Сначала я не понял, о чём он. Обернулся: может, к тому, кто сзади, обращается? Нет, говорил он со мной.

– Вам говорю: что вы на погоны нацепили?

– А, это? – ответил я беззаботно. – Звёздочки с других погон снял и сюда прикрепил.

– Немедленно снять! Никаких звёздочек, кокард и прочих блестящих побрякушек. Не хочу, чтобы вы стали мишенью для снайпера... Всем немедленно снять с одежды всё блестящее, всё, что отражает свет!

Какой снайпер? Что он такое говорит?! Где это снайпер нас поджидает?

Строй зашевелился.

Чтобы нести всё, что нам выдали, каждому полагалось бы по два помощника. А нам с этой тяжестью ещё и воевать велят. Такое, конечно, в голове не укладывается.

Сгибаясь под грузом, крихтя и охая, мы двинулись к улице. Командир сказал, что там нас ждут машины и автобусы.

Мы всё ещё не знали, куда едем и чего от нас хотят. В душе – тревога и страх.

Зоир-ака ждал у выхода. Увидев нас, то ли растрогался, то ли пожалел, то ли решил посмеяться – не поймёшь. Во всяком случае, на прощание по очереди обнял каждого.

– Воюйте спокойно, о доме и детях не беспокойтесь, здесь мы за всем присмотрим. Держитесь бодрее.

Даже на Вторую мировую так парней не провожали. Вместо того чтобы приободриться, мы приуныли ещё больше: значит, едем на войну, а вернёмся или нет – неизвестно.

Сотни военных, гремя своим снаряжением, спешили к автобусам и машинам. Большинство я знал: встречались на службе, здоровались. Но сейчас они казались другими, и тревоге не было конца. Столько вооружённых людей – поневоле страшно. Глядя друг на друга, мы тревожились ещё сильнее:

– Эй, куда нас везут?! Что случилось?! С кем воевать будем?!

У всех на языке один вопрос.

Ни у кого нет ответа.

Автобусы и машины выехали из города, сиявшего, словно на него осыпались звёзды, в неизвестность, в глубь темноты – на большую дорогу среди широких полей. Луны нет, вокруг кромешина тьма. А в душе ещё темнее.

Первая половина восьмидесятых годов XX века.

– А теперь расскажите всё с самого начала. Что там случилось? – спросил участковый Ражаббой, усадив Теша-ака на переднее сиденье своей старой «Волги» и заводя мотор. – По-моему, тут серьёзное преступление.

Бекмуродуп сидел, съёжившись и обхватив руками узелок с костями у себя на коленях. Жарко, от волнения сердце колотится, пот льёт со всего тела. Его заляпанный грязью кримпленовый костюм с истлевшей подкладкой не пропус-

кает воздуха; он чувствует, как по спине стекает пот и забирается под штаны. Хочется вытереть, да боязно. Участковый ещё решит: «Это что за выходки?» – и поймёт не так.

Снова и снова вытирая лоб рукавом пиджака, Теша-ака уверился, что его посадят, и пришёл к выводу: жизнь несправедлива. Как доказать простую истину – что не он убил хозяина этих костей? Спросят: «Доказательства есть?» – и пропал. Что он им объяснит? У него ведь язык не ворочается!

– Вы не бойтесь, – великодушно сказал Ражаббой, довольный впечатлением, которое производил, и собственным грозным видом. – Всё проверим, во всём разберёмся. Если невиновны, отпустим. Кто сказал, что мы кровожадные звери?

– Никто не говорил... – Теша-ака приободрился. – Только я не виноват, что эти кости нашёл... Воду пускал, ударил кетменём в землю – череп оказался. Мы его выкопали. Вдвоём с мальчишкой, Бахти его зовут... Потом Тилов подошёл. Стали втроём думать, чьи это кости, завязали в платок, понесли к Раззок-бобо – тут вас и встретили. Если в чём и виноваты, так только в том, что в спешке кетменём кое-где кости сломали... Земля была твёрдая, целыми не выкопаешь. Теперь вот... За сломанные кости ведь не наказывают?

– Вот чудак! Да это самое серьёзное преступление! Три дня назад Хотаму посадили за то, что он Актаму ногу сломал!

– Так ведь Актам – человек... Живой, я хотел сказать...

А это, – Теша-ака со страхом посмотрел на узелок, – кости, и больше ничего... Старые кости, под землёй лежали.

– Правду говорите? – Ражаббой прибавил газу и свернул на большую дорогу. – Учтите, проверим. Если врёте, понесёте наказание.

– Правду... правду... Я что, с ума сошёл, вас обманывать? – поспешно ответил Бекмуродуп.

– Зачем по домам носите?

– Я же сказал, Раззок-бобо показать хотели. Думали, может, знакомый окажется...

– А ваш дед что, эксперт? По костям скажет, кто это был? – Ражаббой вытаращил глаза на собеседника.

– Всё-таки пожил, многое повидал. Думали, вдруг узнает, – неуверенно проговорил Теша-ака. – Вы бы на дорогу смотрели. У нас говорят: коровы Мерганчи умнее жителей Гултепы. Этим ни машины, ни что другое нипочём.

«Волга» «летела» по ухабистым улицам Гултепы. Ражаббой радовался: впервые за всю жизнь обнаружил и раскрыл убийство. Не обращая внимания на слова Теша-ака, он продолжил допрос:

– Узнал?

– Нет...

– Да и не мог узнать... Чудаки вы... Вот, например, увидели бы вы мои кости на улице – узнали бы?

Бекмуродуп повернулся к нему, но представить милиционера скелетом не смог. Какие же кости скрываются под этой

обожжённой солнцем, тёмной, сморщенной физиономией?

– Кто его знает... Вы вроде хороший человек.

– Ага, хвалите меня, подлизываетесь? – засмеялся милиционер. А слова ему всё-таки понравились. – При чём тут хороший или плохой? Я учился, знаю: скелет у хорошего и у плохого одинаковый.

– Так, к слову пришлось.

На самом деле Теша-ака хотел сказать: «Когда вы умрёте, вас на кладбище похоронят, не будете вы валяться на пыльной улице», – но прикусил язык. Кто с человеком власти говорит не подумав, тот и без болезни помрёт.

Всё-таки у человека власти особая сила. Сам-то Бекмуродуп отродясь не думал, прежде чем заговорить: что на язык придёт, то и выпалит, не глядя на лица. А тут сидит, даже голос подать боится.

– И не побоялись такое в чужой дом нести? Дурная примета. Смотреть жутко, – сказал Ражаббой, отодвинув голову, словно из узелка вылезал злой дух.

– Тогда, когда из земли доставали, жутко не казалось. А теперь у самого сердце леденеет... Все мысли о золоте были.

– Золоте?! Каком золоте?! – глаза участкового загорелись.

– Да ни о каком... – Теша-ака растерялся, поняв, что сболтнул лишнее. – Мы думали, возле него золото найдётся. В кино ведь часто так: рядом с черепом золото лежит.

– Если нашли, говорите, поделимся, – Ражаббой понизил голос, а потом снова заговорил громко, как прежде. – Скро-

ете – плохо будет. Всё разужнаю, посажу. Знаете ведь, до чего доводят игры с государством?

Теша-ака повернулся и посмотрел на милиционера, который прикрывал собственный карман государственными интересами. Заметив его странный взгляд, Ражаббой поправился:

– Советская власть не разрешает людям держать золото. У кого дома найдут – сажают.

– Не-е-ет, золота у него не было... – торопливо заверил Теша-ака. Ещё не хватало ни за что ни про что попасть в беду и сесть! – Откуда у него богатство? Вы только посмотрите, в каком он виде.

Ражаббой покосился на узелок на коленях Бекмуродупа, вздрогнул, словно оттуда вот-вот выскочит какая-нибудь нечисть с криком «Бу!», и перевёл взгляд на дорогу.

До районной милиции ехали молча. Каждый думал о своём.

Ражаббой уже понимал, что сгоряча, пока эти искатели костей дрожали перед ним, наговорил лишнего. Дежурный ведь ничего оформлять не станет. Сегодня дежурит майор Сиддик. С ним тяжело иметь дело: даже если убийца сам придёт с повинной, он упрётся: «Не буду оформлять! Сначала труп найди или бумагу принеси». Жаль, что раньше не вспомнил о Сиддике. Стоит представить его холодную физиономию – и хочется отпустить любого пойманного преступника.

А Теша-ака думал, посадят его или всё-таки нет. Эти ведь без всяких разговоров срок дают. Кто детям сообщит? На Раззок-бобо надежды нет: он собственное имя забыл, где уж ему помнить, кто приходил с узелком костей... Тилов сядет на своего осла, уедет домой и никому ни слова о случившемся не скажет. Это точно! Как будто он Тилова не знает. «Если об этом заговорю, ещё и меня виноватым сделают», – решит и будет молчать.

Вся надежда на Бахти. Но и ему зачем лишние хлопоты? Он один от этой истории и выиграл: весь арык в его распоряжении. Будет сидеть тише воды, чтобы никто её не отвёл. По крайней мере, пока свой огород не польёт, никому не скажет, что Теша-ака забрала милиция... Между прочим, и вода осталась без присмотра. Если положиться на его ленивых, никчёмных сыновей, в этом году ни картошка, ни помидоры не уродятся. На базаре покупать придётся... Впрочем, теперь-то ему не всё ли равно? В тюрьме сами накормят...

С такими мыслями ехал Теша-ака.

Как и предполагал Ражаббой, в дежурной части у входа в районный отдел внутренних дел стоял Сиддик, скрывив свою угрюмую физиономию. При виде его настроение участкового упало. Пришлось заставить себя заговорить бодро:

– Отличное преступление нашёл, очень запутанное...

– Опять бабы подрались? – съязвил дежурный.

– Какие ещё бабы?! Убийство! Зная, какой ты привередливый, я даже кости покойника с собой привёз. Посмотр-

ришь? – Ражаббой из последних сил изображал прежний подъём.

– Тогда не морочь мне голову, иди в уголовный розыск, – равнодушно сказал майор, словно в районе каждый день совершались убийства. Когда они уже шли по коридору, спросил вслед: – Нераскрытое?

– Не знаю, пока неясно, возможно... – на ходу похвастался Ражаббой. – Если так, начальство наверняка внеочередное звание даст.

– Уже три раза твоя очередь прошла, какая ещё очередь? – крикнул вслед Сиддик. – У тебя очередь на звание – как к мавзолее дедушки Ленина: конца не видно.

– Дедушку не трогай, – вполголоса ответил Ражаббой и потянул дверь во двор.

Ведя за собой Теша-ака, он пересёк двор и направился к зданию, где помещался кабинет начальника уголовного розыска.

Районный отдел больше походил на жилище бедняка, чем на милицию: главное здание выходило на улицу, за ним двор, а на другом краю – ещё один низенький домик. Во дворе покачивались на ветру пять-шесть кустов мака и один раскидистый куст конопли.

– Вот это да! – изумился Теша-ака. – В этом году хозяйство у вас знатное! Так вот о чём Раззок-бобо говорил: делай, что мулла велит, а сам за ним не повторяй!

– А, это? – Ражаббой продолжал идти, не придавая словам

значения. – На операцию «Корадори» курсанты, слушатели приезжают, им показываем. Для наглядности посадили, не ради урожая. Не все же, как вы, коноплю выращивают: молодёжь и не знает, что это такое.

Теша-ака встревожился: узнал проклятое растение – и сам себя подвёл! Кто за язык тянул? Ещё прицепится: «Откуда ты эти растения знаешь?» – и попробуй отвертись.

Но Ражаббой, видно, пошутил: к этому разговору больше не возвращался.

Начальник уголовного розыска Шавкат-ака сидел в своём кабинете, разморённый жарой, расстегнув верхние пуговицы рубашки, и мокрым платком вытирал то волосатый живот, то солёный от пота лоб.

Они вошли вдвоём – один высокий, другой низенький.

– Заходи, Ражаббой, – лениво сказал он. – Каким ветром? Что в узелке? Абрикосы? В последнее время так хочется наестся мелких, диких абрикосов. Только от них живот пучит... А у меня тут воздух плохо ходит.

– Наши деды, чтобы живот не пучило, ещё и косточки раскалывали, ядрышки ели... – Ражаббой посмотрел на приятеля и покачал головой. – Ну и обжора ты. Когда учились в Сырдарье, думал, лопнешь от арбузов... А ты до сих пор жив. Только живот от этих арбузов сам круглый стал. Ко всему человек приспособится... Я по другому делу. Нераскрытое убийство за тобой числится?

– Что ты говоришь! Мы любое преступление по горячим

следам раскрываем.

– Не хвастай. Скажи: «Люди сами преступников ловят и нам приводят», – тогда поверю... Вот этот человек, – Ражаббой указал на Теша-ака, – чей-то труп нашёл. И не просто труп: убили человека, из нагана застрелили. Понимаешь, какое серьёзное преступление?

– Где? Кого? – Шавкат-ака встрепенулся и привстал. – Этот человек убил?

Теша-ака побелел. Теперь он твёрдо знал: целым из их рук не выйдет.

– Кто кого убил, я не выяснил...

От этих слов Шавкат-ака изумлённо вытаращил свои большие глаза. Участковый поспешил объясниться:

– Ты не понял. Гултепу знаешь, деревня такая? Возле неё вот этот, – Ражаббой кивнул на Теша-ака, – нашёл человеческие кости и стал по домам носить, показывать. Я его задержал. Посмотри: может, это кто-нибудь из пропавших, которых мы ищем, а найти не можем.

– Где он?! В машине?! В морге?

– Ну и бестолочь! Я же говорю: кости! Вот, у этого человека в узелке... Теша-ака, покажите ему.

Теша-ака положил узелок на пол и развязал; кости рассыпались. Шавкат-ака почувствовал, будто кабинет наполнился дурным запахом. Может, кто-нибудь переел абрикосов и от волнения... Кости-то ведь не пахнут.

– Что это?.. Зачем ко мне притащил, всю комнату прово-

нял?

– Я тебе, бестолочь, уже сказал: человеческие кости. Тут нечему вонять. Как был неучем, так и остался, ничему не научился: кости не пахнут. Если бы не я, тебя из школы милиции за судебную экспертизу выгнали бы...

– Старого не вороши. Один раз по-человечески поступил, доброе дело сделал, теперь при каждой встрече попрекаешь. Нельзя так, друг. Мой покойный дед говаривал: сделай добро и брось в воду – рыба узнает, не узнает рыба, узнает Творец...

Шавкат-ака помолчал и снова присмотрелся к костям.

– У нас сейчас нераскрытых убийств нет. Вообще, чтобы говорить об убийстве, сначала труп нужен. А вы только сейчас кости нашли. Как же он у нас на учёте стоять мог? Ты дурной, что ли?

Эти слова задели Ражаббоя.

– Значит, теперь будет. Вот труп, точнее, его останки. Осталось убийцу найти, – сказал он, приседая и беря череп. – Могу тебе немного помочь: этого человека убили выстрелом в затылок из револьвера образца 1895 года. Вот, половина резца сломана, ещё при жизни. Других следов повреждений нет.

Шавкат-ака задумчиво посмотрел на обоих. Он не знал, что сказать, какие хлопоты эти кости на него обрушат и чем всё кончится.

– По-моему, лучше их закопать там, где выкопали. Тихо,

без лишнего шума, – сказал он наконец. – Давно умер. Никто его не ищет... Ражаббой, друг, сделай так, доброе дело будет. Таскать останки бедняги по улицам – разве это по-мусульмански?.. Ака, вы, видно, многое повидали. Сами скажите: обязательно ли кости, выкопанные на кладбище или ещё где, выставлять напоказ и милиции голову морочить? Разве ислам такое допускает? Этого даже в криминалистике нет.

Теша-ака не ожидал, что здесь с ним будут обращаться как с человеком, и растерялся. Четыре-пять ударов кулаком по физиономии удивили бы его меньше. Нет, видно, он ошибался: и в милиции люди работают. Вот даже об исламе заговорили.

– Мы в законах не очень разбираемся. По-моему, лучше кости на место закопать и уйти, будто ничего не видели. В исламе покойников тревожить не положено.

– Вот! – обрадовался Шавкат-ака. – Слушай, дубовая башка, что понимающие люди говорят... Судебной экспертизой своей козыряешь, а в религии ничего не смыслишь. Иди, закопай на место.

– Что?! Ты с ума сошёл? Завтра-послезавтра комиссия из министерства приедет, услышит – нас же за сокрытие преступления от учёта посадят! Они по уголовному кодексу работают, не по религии. Это тебе милиция, а не мечеть. Нашёлся праведник... На днях говорил: «Если тихонечко “пс-с” сделать, омовение не нарушается», – а теперь речи как у ишана. Я к начальнику пойду. Как скажет, так и будет. За два

года до пенсии так рисковать не могу. Тем более задаром.

– Плов в чайхане с меня!

– Без пенсии, на три года в тюрьму – за один плов! Совсем рехнулся. Пойду к начальнику! – Ражаббой был решителен.

Начался спор. Для начальника уголовного розыска ещё одно нераскрытое убийство в районе – дело недопустимое. Обидно, если из-за неизвестно чьих костей ему повесят на шею такое преступление. Они друг за другом направились в кабинет начальника отдела. Ражаббой знаком позвал за собой и Теша-ака. Этот человек – его главное доказательство.

Начальник и без того был не в духе, а тут ещё они со своей историей. Собрался было прикрикнуть раз-другой, да постеснялся: в кабинет вслед за ними вошёл и стоял столбом коротконогий человек с узелком костей в руках, в забрызганной грязью одежде, с закатанными до колен штанами и в кримпленовом пиджаке с истлевшей подкладкой, надетом, несмотря на жару. Регистрировать эти кости как убийство начальнику не хотелось. Внутренний голос подсказывал: это преступление, если его записать в преступления, никогда не раскроют. Он зашёл с другой стороны:

– Ты, Ражаббой, возьми объяснения у тех, кто нашёл кости, и составь коротенький акт.

– Какого содержания? – мягко спросил Ражаббой.

– Так, мол, и так... Возле кладбища обнаружены кости и захоронены повторно.

– Да не возле кладбища, – вмешался до сих пор молчав-

ший Теша-ака и гордо поднял голову: внёс ясность, и он, оказывается, пригодился.

Начальник замялся, раза два сердито глянул на него и продолжил тише:

– Когда-нибудь там, может, кладбище было... Вообще, на земле нет такого места, где не было бы могил. Везде людей хоронили... – Сказав это, начальник что-то вспомнил, заёрзал и вытянул шею. – Слышали такое предание?... Когда Искандар Зулькарнайн умирал, сын спросил: «Если вы умрёте, что мне делать, когда соскучусь?» А он ответил: «Подойди к моей могиле, позови: “Искандар!” – я выйду». Ну вот, умер он. Через месяц сын соскучился, пришёл на кладбище, зовёт: «Искандар!» Ни звука. Ещё позвал – никто не выходит. Наконец крикнул: «Искандар Зулькарнайн!» – тут отец и появился. «Отец, я вас столько звал, почему не выходили?» – обиделся сын. «Эх, сынок, – сказал Искандар, – тут нас семеро Искандаров лежит. Не знали, которого ты зовёшь». Поняли?

– Поняли, поняли, – закивали оба милиционера.

Бекмуродуп молчал: какой из этой истории вывод, он не понял. Он ведь здесь не работает.

– Черта с два вы поняли... До вас такие вещи долго доходят, – видно, начальник хорошо знал своих подчинённых.

– Нет, поняли, – угодливо сказал Шавкат-ака. – Это предание о любви к близким... Отец и сын...

– Не знаешь – молчи! – рассердился начальник. – Смысл

вот в чём: на одном клочке земли только людей по имени Искандар семеро похоронено. А остальных сколько? Ого-го!.. Это значит, земля полна человеческих останков. «О любви к близким»!..

Начальник воодушевился собственными мудрыми словами:

– А вы нашли одного из них и весь район на ноги поднимаете... Идите, составьте акт: обнаружены давние человеческие останки, захоронены на кладбище, – и дело закройте. Тогда никто к нам не прицепится, – распорядился он и, вдруг смягчившись, обратился к Бекмуродупу: – А вы зачем штаны закатали?

Бекмуродуп нагнулся и посмотрел на ноги. Одна штанина была закатана до колена, другая чуть ниже; брызги грязи на худых ногах высохли и висели комочками на редких длинных волосках. Он закатал штаны, когда спустился в арык, чтобы запрудить воду, а из-за всей этой возни с костями забыл.

– Извините, – сказал Бекмуродуп и наклонился, собираясь расправить штанины.

– На улице поправьте, – мягко остановил его начальник. – Грязь осыплется.

На самом деле штаны Бекмуродупа начальника несколько не интересовали. В какой-то книге о шпионах он прочёл, что собеседнику лучше всего запоминаются последние слова разговора. Вот и не хотел, чтобы этот крестьянин запомнил

их служебные речи.

Гултепа раскалилась, как тандыр. Ни малейшего ветерка. От безводья пожелтели посевы на огородах, листья на деревьях поникли, скрутились, под слоем пыли потеряли цвет. Поднятая на улицах пыль неподвижно висит в воздухе. За домами, в тени деревьев вдоль пересохших арыков, лежат разморённые жарой коровы и овцы, пережёвывают жвачку. А в воздухе стоит зловоние препарата «БИ-58»: то ли им опрыскивали табак от тли, то ли выжигали сорняки на обочинах.

В деревню въехали кремовые «Жигули». В машине сидели двое мужчин: волосы и бороды отросли, одежда свежая, вид солидный. Расспрашивая мальчишек, они добрались до дома Матлуба-момо. Загорелые ребята с потрескавшимися от солнца лицами ехали по двое на ослах купаться в канал, который называли Новым арыком. Его вырыли ниже по склону, немного выше старого Казан-арыка, засыпав прежнее русло; вода поступала из Зарафшана и потому была тёмной и мутной. По дороге ребята собирались ещё стащить фруктов и овощей с соседских огородов. Дом, который искали приезжие, стоял у холма: ветхая хижина, а вплотную к ней – новое высокое строение со стенами из пяти рядов пахсы, утрамбованной глины.

Оба незнакомца вышли из машины и подошли к ограде, заменявшей ворота: кривые ивовые ветви с ободранной ко-

рой, которые отодвигали, чтобы войти. Тот, что был пониже, подал голос:

– Эй, есть кто-нибудь?

– Хоть бы собаки не было, – сказал высокий, светловолосый, с зачёсанными вверх волосами, тревожно оглядываясь.

– Всё никак от этой привычки не избавитесь... Человек добрый, вам к сорока, в таком возрасте собак уже не боятся.

– Я не боюсь. Просто не хочу, чтобы она вдруг – хватъ! Ты же знаешь, у меня сердце не в порядке. И потом, брюки тоже не даром достались, дорогие.

Он посмотрел на свои коричневые брюки с широкими штанинами.

– Такие шаровары давно из моды вышли, – сказал низенький, крепкий, смуглый мужчина с чёрными волосами и отросшей бородой, от которой лицо отливало синевой. – Со своей отсталостью вы только людей позорите. Собака, которая эти мешки порвёт, доброе дело сделает.

– Когда я студентом был, все такие носили, – не уступал высокий. – В Ташкенте и сейчас модно.

– Да с тех пор сто лет прошло. Девчонки, которых вы в Ташкенте встречали, теперь старухи, а вы всё о моде... Она каждый год меняется.

– Не сто лет, а пять, – уточнил высокий.

– Вы позовите, у вас голос громче, – сказал низенький, словно давая понять, что нечего здесь попусту болтать.

– Был бы у меня голос, я бы в артисты пошёл. Сам зови.

– Эй, дядя! – крикнул низенький.

– Какой ещё дядя? – удивился высокий.

– А что мне делать, «тётя» кричать? Не стану же я вопить:

«Матлуба-момо!» Неловко. Не нравится – зовите сами.

Пока гости спорили, из двора вышел худой, смуглый подросток с узким лицом и нежным, как персиковый пушок, усиком.

– Вам кого? – увидев двух незнакомцев, он остановился.

– Это дом Матлуба-момо?

– Да!

– Мы из Суфикишлака... Как тебя зовут?

– Нурбек, – ответил подросток и, помедлив, подошёл, поздоровался за руку: может, дальние родственники. – Проходите. Бабушка на айване спит.

Раньше из тех мест иногда приезжали какие-то чужие люди с неприятными лицами, гостили и уезжали. Нурбеку они совсем не нравились. А бабушка вокруг них так и хлопочет. Почему – непонятно. Совершенно чужие, даже лица не похожи на здешние. Он, мальчишка, никуда из деревни не выезжал и на всякого, чьё лицо отличалось от привычных, смотрел с подозрением и страхом. А бабушку, которая перед ними расстилалась, хоть убей – не понимал. Думал, что она нашла в этих неприветливых людях, и никак не мог додуматься.

Гости замялись и остались стоять.

– Ну, идите первым, – сказал низенький. – Всё-таки вы

старше.

– Может, бабушка сама выйдет? – колебался высокий.

– Я же сказал, она спит. Разбудить? – Нурбек уже сердился, глядя на этих двух непонятливых.

– Нет, мы сами... – сказал высокий. – Только неудобно. Когда она проснётся?

– Других дел у неё нет: то спит, то просыпается, – ответил Нурбек.

– Тогда иди буди, а мы сейчас... – сказал низенький.

– Собак-то у вас нет? – спросил высокий.

– Нет! – Нурбек ушёл во двор.

– Что будем делать? – спросил высокий. – Здесь стоять или войдём?

– Если люди понимающие, старуха проснётся – позовут, – сказал низенький. – А не позовут, сами нагрянем.

Наконец Нурбек вернулся и повёл их внутрь. Матлуба-момо, маленькая, с кулачок, сидела на краю широкого топчана в тени карагача, ниже айвана. В ногах лежало скомканное тонкое одеяло. За спиной – пуховая подушка в пожелтевшем чехле, ещё две подушки смяты у другого края. По трём сторонам топчана разложены тонкие лоскутные матрасики со сбившейся ватой. Шерстяная полосатая ткань, расстеленная во всю длину, местами порвалась, местами прогорела: зимой ею накрывали сандал, столик над углублением с жаркими углями.

Гости почтительно подошли к старухе, наклонились и по-

здоровались за руку. Она хотела поцеловать их в лоб, но, видно, помутневшие глаза не узнали лиц: передумала и только похлопала по плечам.

– Момо, мы из Суфикишлака, – сказал старший из незваных гостей. – Внуки Иса-бобо. Узнаёте?

– Что-то не узнаю, – ответила она, внимательно вглядываясь. – Глаза плохо видят, уши плохо слышат.

– Отца нашего деда звали Сотим-бобо, он с вашим отцом дружил, – продолжил низенький. – Говорили, ваш покойный муж, да помилует его Бог, нашего деда от смерти спас... Теперь узнали?

– Значит, вы правнуки Сотим-бобо? – старуха закрыла глаза, что-то вспоминая. – Хорошо... Вашего отца не знаю. А дед жив?

– Жив, – ответили оба разом.

– Я видела его мальчиком, лет шести-семи.

– Теперь он подросток, – пошутил высокий. Но старуха шутки не поняла, и он продолжил уже серьёзно: – Часто вас вспоминает, вашего покойного мужа. Говорит: «Им я жизнью обязан».

Старуха расспрашивала о родне. Связь давно прервалась; услышав, что некоторые уже умерли, она огорчалась, а от вестей о свадьбах, внуках и правнуках лицо её светлело. Сетовала, что состарилась, слегла и не может повидаться с близкими, жаловалась на своё житьё, за глаза бранила внука, который не интересуется родственниками.

Наконец гости перешли к делу: они приехали искать могилу муллы Бозора. Старший сын высокого болен, рассказали они, губы и лицо распухли; уже полгода ни врач, ни ишан, ни народный лекарь помочь не могут. Одна гадалка сказала: «Есть человек, которому вы верите. Возьмите землю с его могилы и намажьте лицо – всё пройдёт, будто ничего и не было».

Дед Иса послал их сюда за горстью земли с могилы муллы Бозора. Именно ему старик верил, именно его почитал.

– Я не знаю, где его могила, – удивилась старуха. – Больше пятидесяти лет на кладбище не была. Ничего не помню.

Оба гостя приуныли.

– Может, кто-нибудь знает? – спросил высокий, чувствуя, как рушится последняя надежда.

– Раззок может знать, – сказала старуха и повернулась к правнуку, который стоял у топчана, удивлённо таращась. – Отведи их к Раззок-бобо.

Гости провели ладонями по лицу, завершая молитву, и поднялись. Тут Матлуба-момо, видно, окончательно проснувшись, спохватилась:

– Вы же ни чашки чаю не выпили! Нурбек, ты гостям и дастархан не принёс... Так и отпустим, ничем не угостив?

– Мы ещё не раз приедем, момо...

Нурбек сел с гостями в машину, и они отправились к Раззок-бобо.

Старик дремал у водоёма – на том самом месте, где вче-

ра трое односельчан напугали его человеческими костями. При виде приезжих он встrepенулcя. Чтo ещё случилосъ? Co вчерашнего дня, как милиция увезла Бекмуродупа, он тревожилcя и уже решил, что добром это дело не кончитcя. Нет, человек, проживший свою жизнь, повидавший всё, что ему было суждено, и узнавший всё, что мог узнать, за себя, за свою судьбу не боялся. Ему даже было стыдно, что раньше он слишком дорожил собственной жизнью. Теперь страшило другое: имя, которое останется после него, память, которую унаследует родня, доброе слово о нём. Боялся неосторожным воспоминанием, пустяковой фразой поссорить людей. Не хотел под старость стравить жителей деревни. Он ведь знал всё: что творилось здесь почти сто лет, чей род с кем воевал, за какие дела никто не отомстил. Не очень верилось, что кто-то из-за его слов пойдёт мстить за отца или деда — люди, кажется, понемногу отказывались от гордости и мелчали, — но лишних разговоров он всё равно не хотел.

Вчерашние кости оживили старые воспоминания, и ночью он не мог уснуть. Во сне являлись какие-то странные события, друзья детства, ушедшие ещё молодыми Раим и Комил, Мурод, умерший на войне, когда у него загноилась нога, и Бекмурод, пропавший во время Гражданской войны. Они пугали его: будто в их смерти виноват он один, только Раззок. А днём, хотя воспоминания и были горькими, он думал о детстве, о юности, о минувших днях, о своей беспокойной, хлопотной жизни и хотел убежать в прошлое. Понял: вот она

и была, настоящая жизнь. Он столько мучился и сожалел, что весь век прошёл в круговороте забот и невзгод. Но со вчерашнего дня начал думать иначе. Ведь если разобраться, только это и осталось в памяти: то, что он считал горем и бедой. Лишь печаль и тоска прочно засели в сознании, лишь те дни он теперь и мог вспомнить. Сколько было радостных – неизвестно. Они бесследно стёрлись. Проживи он счастливую жизнь, сейчас сидел бы и думал, что вовсе не жил. Выходит, добрые дни, счастье в памяти не остаются. Счастье непрочное, как надпись мелом на школьной доске. А горе и печаль придают жизни смысл и содержание...

Как и многие ровесники, он жаловался на горькую судьбу, мучился, что родился в недоброе время. И только теперь, на исходе жизни, отказывался от этих мыслей. Ведь эта судьба и была его жизнью, им самим; кем бы он был без неё? Он не просто пришёл в мир и не просто проходит через него. Он видел события, достойные памяти на тысячелетия, был их свидетелем, участвовал в них.

Об этом думал Раззок-бобо, когда заметил троих гостей, перелезавших через сетчатую ограду со стороны водоёма.

– Бобо, – сказал Нурбек, подойдя, – эти дяди из Суфикишлака. Ищут могилу какого-то муллы.

– Муллы Бозора. Его ещё Гадой-муллой, муллой-нищим, называли, – уточнил высокий.

Раззок-бобо, словно не слыша, смотрел на Нурбека безучастными глазами, потом вытер рукой слезящиеся веки.

– Это не какой-то мулла, а твой прадед, дед твоего отца, бестолочь! Человек должен знать семь поколений своего рода. Наши деды говорили: кто семи колен не знает – раб. Никого, кроме отца, не знаешь. Разве это дело? – отчитал он Нурбека и повернулся к гостям. – Садитесь... Ну, зачем вам могила муллы?

Нурбек посмотрел на дряблое лицо старика, покрытое тёмными, мертвенными пятнами, на красные глаза, сморщенные руки и почему-то почувствовал отвращение. Юноша ведь только начинал наливаясь силой; старики вызывали у него странные чувства.

Гости опустились на колени у края подстилки, туда, где вчера сидел Теша-ака. Нурбек, показывая недовольство, остался стоять.

Низенький объяснил, зачем они приехали.

– Помню ли я... – задумчиво сказал Раззок-бобо. – Много лет на кладбище не был... Кажется, рядом с Султоном-хрым. И могила Нисо-опа неподалёку была...

Он вдруг умолк: что-то шевельнулось в душе, сердце дрогнуло.

– Какие люди ушли, Господи! – неожиданно вырвалось у него.

– Бобо, может, съездите с нами, покажете? На машине отвезём и обратно привезём, – попросил светловолосый гость с зачёсанными вверх волосами.

Раззок-бобо задумался. После прежней рассеянности он

уже понемногу приходил в себя.

– Ладно, пойдёмте посмотрим. Может, вспомню, – сказал он, поднимаясь. – Только Малике скажу, а то ещё переполошатся: решат, что я в воду свалился.

Никто не ожидал от старика такой бодрости.

На кладбище Раззок-бобо прочёл молитву из Корана, и на глаза ему навернулись слёзы. Потом указал на почти сравнявшуюся с землёй могилу:

– Вот могила муллы Бозора! Та – Султона-хромого, эта – Нисо-опа, вон та – Раима... Все в одном месте лежат... – Он помолчал и тихо продолжил: – Тихо и спокойно... Вот чем кончается жизнь. И убитый, и убийца в конце концов приходят сюда. Так зачем людям столько ненависти друг к другу? Если конец один – лежать здесь, к чему столько мучений, столько злобы?! Зачем человек так любит создавать другому трудности, превращать чужую жизнь в страдание?! Если последнее пристанище у всех одно, почему не могут поладить?

Старик спрашивал самого себя. Остальные молчали. Он тоже умолк, а потом пробормотал себе в ответ:

– Не знает ведь, что, как ни кружи, всё равно здесь место найдёт. Не думает...

Раззок-бобо сел на пожелтевшую траву, погрузился в тяжёлые мысли. Один из гостей завернул в платок две горсти земли с могилы.

– Поможет ли? – тихо спросил высокий у младшего брата.

– Дед велел. Я-то не знаю. Не сделаете, как сказал, – по-

едом съест. Посмотрим...

– Вера – спасение, – сказал Раззок-бобо.

Он сидел спокойно и вставать не собирался.

– Бобо, поедем обратно? – спросил низенький. – Как бы вам голову не напекло.

– Езжайте, – задумчиво сказал Раззок-бобо. – Я тут, у знакомых, останусь, поговорю немного. Сколько же лет сюда не приходил, ого-го... Даже забыл, что такие люди жили, а теперь вспомнил. Будто в детство вернулся...

И оба гостя, и Нурбек удивились. Приезжие посмотрели на юношу, словно спрашивая: «Он у вас не сумасшедший?» Тот пожал плечами.

– Езжайте, – повторил Раззок-бобо. – Сам доберусь. До дома недалеко. Детство вспомню, с друзьями душу отведу...

Сидя здесь, Раззок-бобо вспоминал свои отроческие годы, события той смутной поры, и от этих мыслей сладко щемило в груди. Какими бы страшными, мучительными, ужасными они ни были, эти воспоминания, это прошлое принадлежали ему. В них ведь остались его чистые чувства. В глубине того горестного прошлого хранились мгновения, которые уже никогда не вернуться. Как же вспоминать их без волнения? И как, сколько бы тяжести в них ни было, не тосковать по тем дням?

Всю жизнь он думал о Нисо. Эта женщина оставила в его жизни самые светлые, самые сладкие воспоминания. Лишь однажды ему довелось подержать её за руку. Это привело к

её смерти, а его обрекло на мучения до конца дней. Даже о собственной жене, матери его детей, с которой он прожил двадцать лет и которую зарезала их близкая, родная невестка, он так много не думал. Мстя за смерть Нисо, он пошёл на убийство. Муллу Бозора убил не он, но отвечал за это наравне с Комилом и никогда не снимал с себя этой ответственности. Всю жизнь думал, нужно ли было убивать, и так и не пришёл к единому выводу. Мулла Бозор убил женщину, которую Раззок ни на кого в мире не променял бы, – значит, и сам был обречён на смерть. Разве можно было оставить без возмездия смерть кроткой, невинной женщины? Человек – высшее творение, его убийство – величайшее преступление, такое нельзя оставлять без ответа, виновный должен ответить за содеянное! Но ведь, отомстив, Раззок и сам совершил ту же мерзость! Как это оценить?

Этот вопрос всю жизнь не давал ему покоя. Бывало, казалось, он совсем об этом забыл. Но любое тонкое воспоминание о прошлом, о детстве, даже случайно вспомнившийся пустяк неизменно напоминал о преступлении. Он лишил живого человека жизни, а ему за это ничего не было. Комил умер, а ему никто и слова не сказал. Может, он и не виноват?

Теперь он находился у могил женщины и её убийцы и не знал, что делать. Они давно смешались с землёй, но в памяти всё было свежо, словно случилось вчера, чувства оставались такими же острыми, как шестьдесят лет назад, и душа отзывалась на них всё так же полно.

Раззок-бобо мучился от неизвестности, от бессилия. Он не знал, правильно ли тогда поступил.

Если он до сих пор не знает, верен ли был самый важный поступок в его жизни, значит, и вся его жизнь лишена смысла? Неужели прожил её, как вол на току: всё по кругу, по кругу, без смысла и цели?!

– Только смотрите, – сказал высокий, стоявший над ним и уже потерявший терпение. – Чтобы потом без обид. Не ругайте нас за спиной: «Совести у них нет, не подвели».

– Ничего, – Раззок-бобо, не поднимая головы, махнул рукой: идите, мол. – Как-нибудь доберусь.

Они вышли с кладбища. Нурбек, не зная, уйти или остаться, потоптался и тоже отправился домой. Кладбища он боялся: будто вся нечисть на свете собралась здесь. Всякий раз, проходя мимо, вздрагивал. Остаться дольше нужного не хотелось.

Раззок-бобо огляделся. Предался горьким мыслям.

Если не считать трёх военных лет, вся его жизнь прошла в этой деревне; даже в Самарканд он никогда не уезжал больше чем на два дня. Он знал историю деревни за последние восемьдесят лет, знал всех, кто здесь жил. Всё помнил. Сидя здесь, убедился: больше не осталось надежды, которая заставляла бы жить, тянуться к жизни. Все близкие здесь. Все спокойно спят. Только он один ещё ходит по земле, всем надоедая. Когда-то и он, как этот Нурбек, боялся кладбища, вздрагивал при каждом взгляде на него. Казалось, лежащие

здесь при жизни были страшными чудовищами. Теперь он думал иначе: здесь чувствовал себя свободно. Куда ни по-смотри – знакомый; куда ни повернись – в душе пробуждаются светлые и тёмные воспоминания. Что-нибудь да вспоминается. Здесь он многих знает. А среди живых знакомых мало. Его будущее ведь здесь.

К такому выводу пришёл Раззок-бобо.

Ещё он думал, что люди измельчали. Слишком увлеклись мелкими хлопотами, детьми, повседневным житьём. Проклятый табак, эта штука – телевизор – разобщили их; не знают ни предков, ни дедов. Рабы своих желаний. На первый взгляд, прежде было так же: и в его детстве, и в отрочестве, и в молодости люди горели страстями, всех мучили житейские заботы. Даже еда была главной бедой, жить было трудно, в сотни раз тяжелее, чем теперь. Но люди, хоть и голодали постоянно, никогда не забывали себя, свою историю, прошлое, предков. А теперь, когда сыты и одеты, почему-то и нужда в предках, в своей истории исчезла...

Вот многие из тех, кто лежит здесь, совсем недавно были живы. Мулла Бозор, Комил, Мажид-ака – словно ещё вчера они пылили на деревенских улицах. Каждый шумел, кричал, будто никогда не умрёт. А сегодня никто не вспоминает. Даже дети иной раз добрым словом не помянут. Вон, могилы сравнялись с землёй, заросли. Правнук Бозора называет прадеда «каким-то муллой». Есть ли у них с таким отношением будущее?

Старик просидел здесь долго. В какой-то миг со стороны входа на кладбище послышались глухие удары и негромкие голоса. Воспоминания, уносившие мысли далеко-далеко, рассеялись, он очнулся. Удивился, что всё ещё сидит на кладбище. Почему-то от мысли, что скоро и сам обретёт здесь пристанище, на душе стало легче, настроение поднялось. Сердце затрепетало, словно, умерев и придя сюда, он совершит большое дело.

Он встал и пошёл на голоса.

Теша-ака сидел на бугорке с высохшей травой и оценивал, как работает кетменём его средний сын Ботир – худой десятилетний мальчик, вытянувшийся выше сверстников, на лице которого, кроме носа, зубов и огромных глаз, словно ничего не было. Как всякий человек, у которого руки ни к чему не приспособлены, Теша-ака любил давать советы и без конца учил: «Рукоять так не сжимай, слишком высоко не замахивайся, работай как мужчина!» Чуть поодаль лежал тот самый узелок с костями, который вчера завладел мыслями Раззок-бобо.

Они копали могилу.

– Бог в помощь! – сказал Раззок-бобо. – Что это вы, отец с сыном, делаете?

Теша-ака подскочил, оттянул ворот полосатой рубашки и, словно плюя себе за пазуху, произнёс: «Тьфу-тьфу!»

– Испугался? – Раззок-бобо подошёл ближе.

– Это вы? – лицо Теша-ака порозовело. – А я подумал,

кто-нибудь ожил и вернулся... Хорошо, вчера вас видел, сразу узнал. Что вы здесь в белых штанах, как привидение, ходите? У какого-нибудь мальчишки сердце разорвётся, насмерть напугаете.

– Осматриваюсь, – засмеялся Раззок-бобо, не обращая внимания на его слова. – А ты что делаешь?

– Вот это похоронить хотели, – Теша-ака указал на узелок.

– Милиция ничего не сказала?

– А что ей говорить? Разобрались. Зато с участковым познакомился. Оказывается, его дед с моим дедом дружил.

– С Бекмурод-ака?

– Да. Остоном его звали. Детям и внукам часто наказывал: «Найдите в Гултепе детей человека по имени Бекмурод, поддерживайте с ними связь».

– Хорошо, – сказал Раззок-бобо. – Я его, выходит, не знал. Может, у басмачей познакомились, может, на купкари.

– Не называйте его басмачом, – обиделся Теша-ака. – Отец говорил, что он в войске служил... в армии... А басмачами их наша власть назвала. Говорят, он никого не грабил. Впрочем, вам виднее. Я не то что деда – и отца толком не знал. Когда я младенцем был, ушёл на войну и не вернулся.

Ботир, усталый, обмякший от бесконечных взмахов кетменём, который был больше него самого, радовался появлению Раззок-бобо и скалил зубы: отец наконец от него отвлёкся.

– Я не знаю, язык проклятый привык так говорить. И то-

гда-то не разобрался, кто есть кто. В таких вещах я мало понимаю... – Раззок-бобо покраснел, как провинившийся ребёнок. – Здесь не хорони. Бери узелок, сам покажу, куда положить. Пусть этот человек с новыми не смешивается, останется возле своих.

Отец и сын молча пошли за Раззок-бобо. Только Ботир рассердился: он ведь уже немало выкопал.

По дороге Раззок-бобо говорил:

– Человек должен свою историю знать... Вот твой дед, например, в нашу деревню из другого места переселился.

– Что вы говорите! Наш род семь поколений здесь жил, – обиженно возразил Теша-ака.

Старик повернулся к нему. Хотел было поспорить, отчитать, да передумал. Поняв, что упрямец правды не признает и правдивые слова ему не по нраву, заговорил мягче:

– В нашем детстве так говорили... Может, я и ошибаюсь. Там, где сейчас твой брат живёт, прежде голый холм был. Дед твой там дом построил, сад посадил.

– Брат теперь оттуда переезжать хочет, внизу дом построил.

– Ну, как бы там ни было... – Раззок-бобо считал, что люди должны знать свою историю, кто они такие. И сердился, что у них нет к этому интереса. – Дед твой однажды пошёл на базар и пропал. Последним его видел мой друг Комил. Тот тоже вскоре умер. Ни детей после него, ни потомков не осталось... Хотя кто его знает... Был человек по имени Мамат,

на войне подорвался, так он на Комила очень, очень похож был. Недавно на улице увидел, у людей спросил: оказалось, у Мустафо есть сын Холвой. Посмотрел – и растерялся: мой друг детства, вылитый... Он ведь ему дед. И этот светловолосый, весь в деда.

Сказав это, старик прикусил язык: что он несёт? Ведь весь род Мамата объявил незаконнорождённым, от любовника! Это же только догадка. Но если слова дойдут до Мустафо, тот в покое не оставит... Однако отец с сыном его не слушали, считая, что у старика ум размяк и он что-то бормочет. Раззок-бобо вовремя спохватился и оборвал разговор: вздумаешь учить людей прошлому – и совершишь большую ошибку.

Они вернулись туда, где недавно сидел старик.

– Его место здесь, – сказал Раззок-бобо, указывая на ровный участок. – Они должны лежать вместе. Вот она, логика жизни: при жизни в огромном мире не уживаются, смотреть друг на друга не могут. За сто шагов увидят – будто съесть готовы... А умрут – и на двух саженьях земли всем место найдётся. Ни споров, ни ссор, прах смешивается, сливается. Странное создание человек.

Теша-ака, то ли постеснявшись Раззок-бобо, то ли из уважения к нему, взял кетмень у сына и, кряхтя, выкопал небольшую могилу. А Раззок-бобо тем временем сидел, предавшись своему любимому занятию – размышлениям.

Теша-ака уже хотел опустить кости в яму, но Раззок-бобо

остановил его:

– Прочтём джаназу, погребальную молитву... Этот человек ушёл без неё. Хотя и поздно, а исполним долг живых. Омовение у тебя есть?

– Вы ведь всё знаете, да? – усмехнулся Теша-ака. – Вчера спросили, кто он, – не сказали. Сегодня говорите, без молитвы ушёл... Если знаете, скажите: кто это?

– Много слов – ослу поклада, – сказал Раззок-бобо, положил кости в направлении киблы, в сторону Мекки, и стал готовиться к погребальной молитве.

Теша-ака поневоле встал рядом. Ботир смотрел на них, разинув рот.

Махамат-ака вырос у отчима. После гибели отца мать вышла замуж за здешнего жителя, инвалида войны. Человек он был суровый, и Махамат рос без особой ласки и нежности. Когда родились младшие братья от другого отца, он и вовсе стал лишним. Родня со стороны отца его тоже не жаловала: после нового замужества матери отношения охладели.

В начале шестидесятых Махамат женился. У него семь дочерей и один сын – Миродил. Ему идёт восьмой год. Младший сын, продолжатель рода, избалован: что скажет, то и будет, всё по его воле. Его все без конца носили на руках, поэтому ходить он начал поздно, зато язык бойкий.

Махамат хорошо ладит с Мустафо-ака, сыном Мамата, погибшего на войне, хотя они немного разнятся возрастом.

Может, потому, что оба росли сиротами и в душе у обоих осталась обида, – друг друга понимают, с детства дружат. Вот и сегодня Махамат собирается на базар, потому и идёт к приятелю. У того «Жигули»; понадобится что-нибудь – он бежит к другу, а Мустафо-ака без всяких обид помогает. Дружба – это не голубей гонять.

– Мустафо-ака, эй, Мустафо-ака! – крикнул он, входя в ворота.

Дом Мустафо-ака стоял внизу деревни, в начале второй улицы. Отцовский дом был выше; его глинобитные стены почти совсем развалились. Когда внизу выделяли землю под огороды, Мустафо одним из первых перебрался сюда и построился. С тех пор прошло лет пятнадцать-двадцать. За это время он встал на ноги. Взялся за выращивание табака, детям передышки не даёт. И теперь мало кто может потягаться с Мустафо-ака, которого прежде ни во что не ставили, даже поздороваться с ним считали зазорным. Ещё совсем недавно за его спиной говорили, что дед у него незаконнорождённый, от любовника, и относились к нему свысока. Но теперь люди понемногу забывали эти разговоры. Те, кто повсюду их разносил, ушли из жизни. Из стариков остался лишь Раззок-бобо, а он никого не злословит.

Денег у Мустафо-ака стало больше, выросло и уважение к нему среди людей. Но он ведь сиротой рос, ласки не знал – никому не верит.

Мустафо-ака, которому перевалило за сорок, со светлым,

сморщенным, покрытым морщинами лицом и нелепым пучком отросшей бороды на подбородке, лежал на топчане. Подал голос: «Заходи!» Махамат вошёл, вытирая лоб рукавом старого пиджака.

– Отдыхаете? – Махамат поздоровался за руку с вышедшим ему навстречу хозяином и, собираясь сесть на указанное место, поспешил поделиться новостью: – Слышали, Бекмуродупа милиция забрала?

– Что-то такое слышал, не обратил внимания, – Мустафо-ака пошёл впереди, ведя гостя к суфе.

Они уселись на глиняной площадке у свёрнутого дастархана.

Мустафо-ака развернул красноватый дастархан, к которому пристали соринки, и разложил куски хлеба, сваленные посередине. Абрикосовые косточки, лежавшие внутри, выкинул во двор. «Трудно без женщины в доме», – пробормотал он.

– Не надо, не расстилайте... Не хлопчите, я ненадолго... – сказал Махамат-ака.

– Пусть будет достаток на нашем дастархане, а у людей – совесть! Да убережёт нас Бог от беды огнём, беды водой, беды клеветой и от милицейского гнева. Аминь! – Когда гость уселся, Мустафо-ака раз-другой подал ему знак, но тот не отозвался, и хозяин сам произнёс молитву, провёл ладонями по лицу, затем вернулся к разговору: – Говорят, его уже отпустили.

– Небось денег с него содрали. Этот Ражаббой просто так не отпускает. Попадёшь к нему на бумагу – два года таскать будет, пока всё добро не распродашь.

– С этим Теша иначе и нельзя, – сказал Мустафо-ака. – Совсем распоясался. На днях за водой следил. То ли поток прорвало, то ли мальчишки ради шутки отвели – к нам на огород пошла. За это он стену снизу подкопал, теперь того и гляди рухнет. Отвод засыпал. Я ему: «Сердишься – на себя сердись. Что, деревней теперь тебе, сыну пришло, верховодить?» А он всё с небес спускаться не хочет. Странные люди, не признают очевидного. «Мои отцы и деды отсюда», – говорит. «Докажи», – говорит.

Мустафо-ака ещё немного побранил Теша-ака, но Махамат заскучал и перебил:

– Оставьте. Каждый сам за свои дела отвечает. Мы с вами люди тихие: скажем спасибо за то, что есть, и живём себе. Ни с кем не сцепляемся. С Теша ссориться – добра не наживёшь... Я вот зачем пришёл: запрягли бы своего конька, съездили на базар.

Мустафо-ака увлёкся, изливал душу; от неожиданного поворота разговора растерялся:

– А, на базар? На машине? Хорошо... Только я сегодня за детский сад. Жена с детьми табак мотыжит, а я за Замирой смотрю. Вон она!

Лишь тут Махамат заметил девочку: пухленькая, с каштановыми волосами, со светлым, как у отца, лицом, она играла

чуть поодаль на маленькой земляной площадке, вся в пыли и грязи.

– Это ваша младшенькая? Какая уже большая!

Услышав, что говорят о ней, девочка посмотрела в их сторону, увидела незнакомого дядю и поздоровалась:

– Салам!

– Умная девочка, а? – Махамат-ака рассмеялся, растроганный её словами. – Невесткой мне будешь, дочка?

– Буду, – ответила Замира и стояла, довольно улыбаясь. Смысла сказанного она не поняла, но знала: невеста – это красивые новые наряды.

– Вот и невестка готова, – сказал Махамат-ака. – Далеко искать не придётся.

Уступив настояниям Махамата, Мустафо взял с собой Замиру, так и не переодев её пыльную, грязную одежду, и они поехали в Ургут. Сложив покупки в машину, Махамат-ака почему-то пожалел девочку, которая там играла. Они, двое мужчин, ушли на базар и надолго пропали, а малышка одна сидела себе, играла, не капризничала, не плакала. Такой тихой девочки он ещё не встречал. Решил купить ей одежду. Будто хотел этим отплатить приятелю за всё добро. Ведь понадобится – машина готова, никогда не откажет. Деньги предлагаешь – не берёт, на бензин тоже не просит. Подумав об этом, Махамат-ака зашёл в «Детский мир» и вышел с платьем, туфлями и куклой.

– Это что ещё? – спросил Мустафо-ака, который уже при-

готовил машину к дороге и ждал его.

– Мы же вашу дочь с моим сыном обручили. Вот наряд для невестки.

Мустафо-ака хотел возразить, но слов не нашёл. Молча завёл мотор, и они поехали. Сначала остановились у дома Махамата. Когда разгружали сумки, подбежал Миродил. Избалованный мальчик увидел в машине светленькую девочку и куклу у неё в руках – и закапризничал. Стал отнимать игрушку. Отец принялся его унимать.

– Эй, богатырь, что случилось? – сказал он, оттаскивая сына, вцепившегося в дверцу. – Мужчина так себя не ведёт. Мы тебя уже обручили, а ты всё куклами интересуешься. Будешь вести себя тихо – саму девочку тебе в невесты приведём.

– Не невесту, куклу! – заревел Миродил.

Его с трудом оторвали от куклы. Несмотря на настойчивые приглашения, хозяин машины поехал домой. Замира тоже плакала, испугавшись крика надоедливой мальчишки.

Мустафо-ака медленно ехал по каменистой улице, когда увидел у обочины Теша-ака с сыном: они несли кетмень. Ему стало любопытно. Хотелось узнать, чем закончилась вчерашняя история, и он остановил машину. Замира всё ещё не успокоилась, тихонько всхлипывала.

– Ну что, сосед, – спросил Мустафо-ака, высунув голову в окно, – куда путь держите? Домой?

Мустафо зла не держит, обиды быстро забывает. Тяжёлое

детство, жизнь без ласки научили его не ждать от других слишком многого, быстро забывать любую неприятность. Если на всех, кто его огорчил, обижаться, так вся жизнь в обиде пройдёт. Привык не принимать близко к сердцу. А Теша-ака другой. Он тоже сиротой вырос, но у него был старший брат, под его защитой и воспитывался. И деды, говорят, были вспыльчивыми. Потому теперь он не понимал, зачем Мустафо вдруг остановился рядом. Не забыл, как десять дней назад они сцепились из-за воды. Слова, сказанные тогда, ещё помнил.

Теша-ака уставился на него, глаза сверкнули. Мустафо даже встревожился: вот-вот обругает. Но Теша-ака помедлил – то ли заставил себя, то ли приветливое лицо Мустафо подействовало, – и посветлел.

– С кладбища... – сказал он, нагнувшись к окну. – Домой идём.

– Садитесь, подвезу. Нечего в такую жару пыль топтать.

Отец сел впереди. Ботир кое-как запихнул в машину кетмень и забрался на заднее сиденье. Замира, всхлипывавшая там с грязными ручонками и лицом, на котором пыль от слёз превратилась в грязь, увидела тёмного, худого мальчика с огромным кетменём и затаила дыхание. Умолкла. Машина завелась, медленно тронулась, но никто не заговорил. Повисло неловкое молчание.

– Что вы на кладбище делали, траву косили? – наконец нарушил тишину хозяин машины.

– Вы что, шутите? – сказал Теша-ака. – Мы с кетменём идём, не видели?

– Нет, видел, – замялся водитель, пытаясь поправиться. – Когда всё спокойно, люди на кладбище траву косить ходят. А что там ещё делать?

По правде, Мустафо-ака хотел спросить: «Какую-нибудь могилу дёрном обложили?» – да побоялся. С собеседником ведь по-человечески не поговоришь: понравится – хорошо, а не понравится – так рявкнет, что сам пожалеешь, зачем рот открыл.

– Вчера на краю деревни, возле дома Абила, кости нашёл. Вот, похоронили.

– А-а... – Мустафо осторожно повернул руль и нахмурился, будто всё понял. – Кстати, вчера слышали, что вас в милицию вызывали. Правда? Сколько запросил?

– Ражаббой сказал: кости на экспертизу, пойдёмте со мной. Я и пошёл. Потом в чайхане поговорили, оказалось, знакомые. Вместо того чтобы сажать, он меня к себе домой повёл, угощал. Жирный петух у него был, зарезал. Когда мой дед к ним приезжал, его дед тоже курицу резал, гостя потчевал.

Водитель удивился. «Обмануть меня хочет. Небось всё, что дома было, продал, чтобы откупиться. Боится, что, если начнёт рассказывать и они услышат, снова посадят», – решил он. Но высказать свои мысли не осмелился.

– Бывает... – сказал недоверчиво. – На этом свете всё бы-

вает.

Замира, которая удивлённо смотрела на вдруг подсевшего к ней мальчика, громко разрыдалась.

– Кто это нашего светленького чертёнка напугал? – Теша-ака повернулся назад, пытаясь приласкать девочку. – Ого, кукла-то больше неё самой!

– Это Махамат купил, – похвастался Мустафо. – Мы детей обручили. Вот он и подарил куклу, да какие наряды!

– Кого? – удивился Теша-ака.

– Младших! Махамату вдруг такая мысль пришла, вот и обручили. Маленькие ещё, конечно, да глазом моргнуть не успеешь – вырастут. Вон, сами будто вчера по садам фрукты воровали, думали, когда же хлеба досыта поедим, а сегодня уже дети на уме. Хотели дружбу родством скрепить...

«Пропади вы оба, дурни, – подумал Теша-ака. – Разве это дело? Если доживёте, когда они ума наберутся, тогда и занимались бы своими глупостями. Ещё неизвестно, какой твоя дочь вырастет, кем его сын станет, а они уже... Болваны».

Не сиди он в его машине, сказал бы Мустафо-ака всё прямо в лицо. Слова смягчать он не умеет. Но сейчас не время. Человек ради него остановился, посадил. Нехорошо поступать как скорпион, укусивший черепаху, которая его везла. Он повернулся к девочке:

– Ваша дочка вся в вас, а? Светленькая-светленькая. Будто кусочек от вас оторвали и прилепили.

– Последыш – последняя крошка с дастархана.

Ботир смотрел на плачущую девочку, то и дело косясь. Почему-то она казалась ему маленькой, милой. Жаль, что у него самого нет такого беленького братишки, – эх, как бы он его на велосипеде катал! Все младшие братья тёмные, как он сам. В деревне такой светлой девочки и нет.

– Не поспеши вы так, мы бы тоже её в невестки взяли, – шутливо сказал Теша-ака. – От такой беленькой девочки и мы бы не отказались.

– Ну, это теперь только разговоры, – ответил Мустафо-ака и свернул к своим воротам. – Здесь выйдете или...

Он начал это говорить лишь из вежливости. Теша-ака молча вышел.

– И за это спасибо! – сказал он, забирая у сына кетмень, и тут же отчитал: – Что же ты девочку из машины вынуть не поможешь? Ну что ты за мальчишка?

Ботир поспешил, наклонился, взял девочку под мышки и опустил на землю. Она пронзительно заплакала, боясь, что он отнимет куклу.

– Не бойся, я твою куклу не трону, – сказал Ботир и, поставив девочку, взял с заднего сиденья новые наряды, собираясь отдать ей.

– Мне дай, – протянул руку вышедший из машины Мустафо-ака. – Она их в пыль уронит, испачкает.

Отец с сыном пошли домой. Мустафо взял дочку за руку и направился к воротам. Жена с детьми уже вернулись с прополки, во дворе сталолюдно. Услышав машину, дети выбе-

жали навстречу.

Увидев куклу в руках Замиры, старшие сёстры сперва хотели её отнять, а когда малышка не отдала, закапризничали.

– Мне тоже куклу! – громко заплакала десятилетняя Фарида.

Мустафо-ака уговаривал её и так и этак – не помогало. Наконец сказал, что Замиру уже замуж выдал. Тогда Фарида закричала: «Я тоже замуж пойду!» Все рассмеялись.

Вернувшись с кладбища, Теша-ака едва держался на ногах. Вся эта история, вчерашняя водка измотали его: устал не только телом, но и душой. Сразу повалился на топчан и велел жене принести миску катыка. Потом прикрикнул на Ботира:

– Чего стоишь, рот разинул? Сходи на огород, посмотри, вода пришла?

В тот день вода так и не дошла. Картошка лежала поникшая, как и три дня назад; грядки растрескались от зноя, от комьев земли поднимался жар. Борозды пожелтели, пересохли, покрылись коркой. Вообще-то Теша-ака прекрасно знал, как обстоят дела, но ведь только шайтан теряет надежду: а вдруг люди недоглядели и огород успел напиться? Нет, совести у них не было.

Пока Ботир возился в глубине двора, отец выпил холодный катык. Так приятно стало, словно водой напоили жаждущую землю, по телу пробежала дрожь. Он остыл, нервы

успокоились; совесть кольнула: зря только что так прикрикнул. И он позвал в глубину двора:

– Эй, Ботир, иди сюда! Ладно, не пришла так не пришла. Сейчас вдвоём выйдем, за полчаса всё польём.

Но Ботир всё равно побаивался отца. «Я на улице абрикосов поем», – сказал он и ушёл.

Жена Мадина чем-то занималась у тандыра. Дети тоже разбрелись кто куда. Лёжа на боку на топчане, Теша-ака остался один и стал вспоминать случившееся.

Сперва вспомнил, как они с Тиловым и Бахти выкопали человеческие кости. Где-то в уголке сознания шевельнулась мысль: наверное, рядом было золото, а они не заметили. Он старался восстановить всё в памяти. «С какой стороны мог стоять кувшин с золотом?» Сколько ни силился, подробностей не вспомнил. Где показался череп, где лежали кости, в какую сторону и сколько они копали – всё забылось. Последующие события совсем его ошеломили. Хотел было ненадолго сходить туда и попытать счастья ещё раз. Но устал до смерти: даже надежда найти кувшин золота не смогла сдвинуть его с места.

Помучившись этими мыслями, он вспомнил разговор с Раззок-бобо. Перебрал в памяти его слова, настроение и решил: старик что-то знает, да не говорит. Только что? Непонятно. Может, знает, что возле костей есть золото?! Старики ведь до золота охочи. Говорят, жил в деревне старик Ахмад: боялся коммунистов и спрятал всё своё золото в горах. Даже

умирая, говорят, смотрел на горы, но никому из детей так и не сказал, где закопал богатство. То ли пожалел отдать, то ли подумал, что золото детям беду принесёт. Наверняка пожалел: кто согласится отдать другим, пусть даже детям, богатство, которое всю жизнь копил, отказывая себе в еде и питье, чтобы они пустили его по ветру?

Полежал Теша-ака и подумал: вот он, например, пусть во всём себя стесняет, копит, так и не пожив толком. А дети – эти лентяи, бездельники, которым работу поручишь – тысячу отговорок найдут, оставишь в покое – тебя же поучать начнут, – получают такое богатство, не работая, не мучаясь! Ладно, с этим ещё можно смириться. Пусть получают: отцовское добро им и достанется. Но ведь эти бездельники ему цены не знают! Будто с неба упало – будут есть, пить, транжирить. Для отца оно священно, стало смыслом жизни, а для них – просто богатство. Средство исполнить всякие глупые желания, мечты, затеи. Между тем для отца это давно уже не золото, а нечто высокое, священное. Единственный смысл жизни, плод прожитых лет.

Думал об этом Теша-ака, думал – и стало ему горько, словно он и вправду спрятал два кувшина золота, а они достались детям и те всё развеяли по ветру.

Потом подумал о Ражаббое.

Вчера, после всей кутерьмы в милиции, когда решили отпустить Теша-ака, участковый сказал: «Хоть обедом-то угостите? Я вас из самой пасти тюрьмы вытащил». Тот был го-

тов на всё. У милиции и больницы особый воздух, душу давит. Кто выйдет оттуда целым и невредимым, у того сердце радуется, хочется жить и жить; кажется себе самым удачливым, самым счастливым на свете. Вот и Бекмуродуп тогда был в таком настроении.

Они пошли в чайхану у речки, заказали шашлык – уругтский шашлык особенный. Выпили понемногу сначала за свободу Бекмуродупа, потом за человека, который её добыл. Эта проклятая водка слово к слову прилаживает, разговор к разговору, сближает людей. Два недавних противника, ещё только что косившиеся друг на друга, сидели бок о бок, подхватывали слова и увлечённо беседовали. Между ними тепло.

Слово за слово – и милиционер вспомнил одну историю. Во время войны с басмачами его дед был в войске Полводна. Там познакомился с парнем из Гултепы: немало бед перенесли вместе, не раз друг друга выручали, а потом тот человек вдруг пропал. Его дети приезжали к ним домой. Отец милиционера тогда был маленьким и смутно помнил слова своего отца: «Не теряйте связи с этими детьми. Это дети моего дорогого друга».

– Когда я здесь участковым стал, отец не раз просил: расспроси, найди потомков того человека. А я побоялся. Подумал, что, если милиционер начнёт родню басмача разыскивать, ещё неприятности будут... Старик в годах, ум размяк. Кому польза ворошить разговоры шестидесятилетней давно-

сти? – сказал Ражаббой. – Ну, найду – и что скажу? Они нас не знают, мы их не знаем. Отец их всего один раз видел. Деды умерли. У них свои заботы были, у нас другой уклад.

Теша-ака задумался. Несмотря на хмель и путаницу в голове, припомнил кое-что из рассказов старшего брата.

– Мой дед тоже у Полвона в войске был, – сказал он.

– Может, с нашим дедом знакомы были, – ответил милиционер, отодвинул лежавшую рядом засаленную фуражку и прилёг на бок. – Ваш отец жив? Можно было бы их с моим отцом свести, а?

– Отец с войны не вернулся. Но брат говорит: когда дед пропал, отец с одним знакомым куда-то ездил его искать. Не нашли.

– Они! – вдруг закричал Ражаббой. – К нам домой приезжали!.. Встаём, сейчас прямо к отцу поедem. Пусть порадуются.

– А я что там буду делать? – удивился Теша-ака. – К этим делам отношения не имею, никого не знаю.

– Какая разница? Ваш отец к нам приезжал? Вы ведь его сын? Старик обрадуется, вот увидите.

Бекмуродуп хотел поскорее вернуться домой. Почему-то не хотелось таскаться с этим человеком.

– Вы бы меня отпустили. А это в другой раз сделаем.

– Никаких других разов, – твёрдо, по-военному сказал милиционер. – Сейчас поедem. Сегодняшнего дела на завтра не откладывают. Собираемся. За шашлык я заплачу... Сегодня

я угощаю...

Милиционер был сам на себя не похож.

– А с этим что делать? – спросил Теша-ака, указав на большой узелок у ног.

Узелок с костями он всё время носил с собой, даже сюда притащил.

– В речку бросьте, – махнул рукой Ражаббой.

– Ваш начальник сказал похоронить. Бросим в речку, кто-нибудь найдёт, опять в милицию потащит. Начальник узнает, и снова меня замучают.

– Верно, – Ражаббой задумался, немного протрезвев. – Влипнем, потом не отвяжемся... Ладно, берите, в машине полежит.

Они отправились в путь.

Отец Ражаббоя, Насим-бобо, оказался бодрым стариком. Волосы и борода белые, на голове старая тубетейка, на нём чистый яхтак – он обрезал лишние побеги виноградной беседки. Сын и неизвестный гость, вошедшие вместе с пылью, поднятой колёсами «Волги», поначалу ему не понравились.

– Опять пил? – сказал он, сердито глядя на сына и грозя секатором. – Ко мне не подходи, омовение испортишь... Так и не поумнел. Взрослый человек, при должности, а всё так себя ведёшь. Люди увидят – что скажут? На свою одежду посмотри. Разве милиционер таким бывает? В нашем роду такого неразумного ещё не было.

Теша-ака присмотрелся. Старик и вправду следил за со-

бой: хоть работал, ни пылинки на одежде, борода аккуратно подстрижена, двор чистый. Даже только что срезанные виноградные побеги были нарезаны одинаково и сложены в стопку.

– Отец, – со смехом сказал милиционер, не теряя весёлого расположения духа, – разве хорошо так ругать человека власти? Люди ждут, какое слово у меня изо рта выйдет, а вы меня браните...

– Ждут-то ждут, да только водочную вонь и дождутся... – Старик повернулся к пришедшему с сыном человеку, хотел что-то сказать, но передумал: гость не показался достойным почтения. Старый костюм весь в пыли, штаны – словно в грязь окунули. «Наверное, преступника поймал, в милицию везёт, по дороге заглянул», – решил он и не стал обращать на гостя внимания.

– Я вам хорошую весть принёс, – сказал Ражаббой.

– Какую ещё весть? Как выпьешь, обязательно что-нибудь затеешь.

– Нет, я не затеял, я с новостью. С новостью! – заторопился Ражаббой. – Вы давно велели найти потомков отцовских друзей. Искал, искал – нашёл. Внук того человека нашёлся. Вот!

Милиционер указал на Бекмуродупа, съёжившегося, словно провинившийся ребёнок.

Насим-бобо на несколько секунд застыл; потом на лице появились удивление и вопрос. Видно, вспоминал, что он по-

ручал сыну. Непослушному отпрыску много советов давал, а тот всё пропускал мимо ушей. Потому и не мог понять, какое наставление сын исполнил.

Наконец вспомнил, лицо порозовело. Он замешкался. Гость всё-таки казался странным. Неужели тот, кого он ждал с детства, – этот немытый человек в пыли и грязи?

Положил секатор на землю, хлопнул ладонями, будто отряхивая пыль, и с раскрытыми объятиями шагнул к Бекмуродупу. Теша-ака смутился: хоть и был пьян, обниматься не хотел. Видел ведь – старик чисто одет, даже щеголем можно назвать. А на него самого смотреть страшно. Умылся мутной водой, кожу всё сильнее стягивает, давно не брился. Из рта водкой несёт. В таком виде люди в гости не ходят.

Но уклониться Бекмуродуп не смог: не отвернёшься от старика, который идёт навстречу с раскрытыми объятиями.

– Брат мой! – сказал Насим-бобо, обнимая его. – Дорогой мой, нашлись вы!

Не зная, что ответить, Бекмуродуп молча обнимал обходительного хозяина. А милиционер расправлял матрасики на топчане с красивой резьбой, готовил место.

Они сели и провели ладонями по лицу, завершая молитву.

– Кем вы приходитесь Бекмурод-бобо? – спросил Насим-бобо.

– Внуком.

– Я Насим, сын Остон-ака. Отец вам, наверное, рассказывал. Кстати, он жив?

– С войны не вернулся. Я его даже не знал.

– Как его звали? – спросил старик, наклоняясь к Бекмуродупу.

– Нодир... Нодиром звали.

Теша-ака недоумевал. Ну и что, его дед шестьдесят лет назад был знаком с отцом этого старика. К чему такая суета, такое волнение? Разве это повод столько хлопотать? Но старик, видно, думал иначе. Радовался, удивлялся, словно встретил друга, которого знал тысячу лет, словно увидел давно умершего отца.

– Неужели я вас нашёл? – говорил старик сам себе, когда не расспрашивал Бекмуродупа. – Сколько лет об этом мечтал. Наконец нашёл... Вашего отца, вы сказали, Нодиром звали? Верно, младшего из тех ребят, что тогда к нам приезжали, так и звали. Отец их щедро угощал, с почётом провожал.

– Это мой отец был, – сказал Теша-ака и снова умолк. Он ведь не только отцовских друзей – и самого отца не знал. О чём ему говорить?

– Жалко, – сказал старик. – Поговорили бы об отцах. Отец так завещал: «Никогда не теряйте с ними связи», – говорил покойный, да помилует его Бог.

Для Бекмуродупа эти слова ничего не значили. Поддерживать отношения с незнакомым стариком, сидящим напротив, он не собирался. Знакомый его деда ему никто. Даже если бы сейчас отец ожил и вернулся, он встретил бы его рав-

нодушно. Ведь для человека важно прежде всего не родство, а память. Для деда эти люди, может, и были дороги; связывали их какие-то чувства, какие-то нити. Но Теша-ака это не интересует: у него другая жизнь.

– А что стало с другим мальчиком, который приезжал с твоим отцом? Как же его звали... – Старик задумался, перебирал один за другим слои памяти и наконец, видно, нашёл нужное: обрадовался, как ребёнок. – Файзи, что ли, Фазли... Как-то похоже.

– Наверное, Пайзи, – сказал Бекмуродуп. – С отцом дружил. Вместе на войну ушли, он тоже не вернулся.

– Дети остались?

– Две дочери были. Обе замужем, с детьми. Сына не было... Говорят, во время войны его дочку волк порвал. Мы тогда маленькие были. Жена, когда он не вернулся, в другую деревню замуж ушла. Года четыре-пять назад умерла.

– Недобро вышло, – старик провёл ладонями по лицу и погрузился в молчание.

Ражаббой велел детям расстелить дастархан. Принесли хлеб, чай, блюдо абрикосов. Бекмуродуп давно не пил, теперь его мутило. В надежде, что полегчает, он шумно прихлёбывал чай, который наливал милиционер. При отце Ражаббой держал себя в руках, хмеля будто и не было; расстегнув форменную рубашку до живота, платком вытирал выступавшие от горячего чая крупные, с горошину, капли пота.

– Покойный отец не раз наказывал, – тихо сказал старик.

– В те времена люди дружбу ценили. Не только деньги их связывали. Может, тогда люди проще были, бесхитростнее. Даже умерев, помогали другу. Мой отец, когда о тех знакомых говорил, будто мёд с губ ронял. Мы маленькие были: то понимали, то не понимали... До сих пор помню, как он горевал: «Мой друг из Гултепы пропал». Кажется, через знакомых расспрашивал, разузнавал, но ничего не вышло. А вскоре и его самого застрелили. Я был старшим ребёнком. Сперва было не до его наказов, а потом подрос, стал важничать. Даже в его возрасте, – старик указал на сына, – никого ни во что не ставил. Отцовские слова забыл. Когда сила в теле так и распирает, чужих советов не слушаешь. Пока в человеке пыл, отвага, он о других не думает, даже отца в расчёт не берёт. Теперь я это понимаю... Пока сам был полон сил, и в голову не приходило отцовских знакомых найти. Потом, когда сам стал отцом, когда силы убавились и состарился, понял. Испугался, что уйду, так и не исполнив отцовской воли... Слава Богу, вот мы вас и нашли. Даст Бог, будем друг к другу ездить. Душа отца порадует, и я спокойно спать буду.

Теша-ака сидел безучастно. Когда старик закончил, тихо сказал:

– Бобо, вы нас отпустите. Я домашним не говорил. Не вернусь скоро – тревожиться начнут. Весь арык к огороду отвёл, как бы картошку не смыло.

– Нельзя, – твёрдо ответил старик. – Я вас шестьдесят лет жду. Разве так просто отпущу? Душа отца не станет ли сето-

вать?.. Ражаббой, чего сидишь, рот разинул? Скажи детям: пусть поймают петуха пожирнее, зарежут... Посидим, поговорим... Вот вы за картошку тревожитесь. А в нашем детстве её не было. Узбеки картошку не ели. Тогда мы её «русской морковью» называли. В военные годы, в голод, люди к ней привязались.

Увидев решимость старика, Бекмуродуп больше не настаивал, сидел и беседовал о том о сём. Старик, начав с появления картошки, увлёкся дальше:

– Ещё до войны, когда помидоры только появляться стали, купил я два на пятничном базаре. Сам ещё не знаю, что это такое. Только слышал: если в еду положить, вкуснее будет. Матери отдал. Она луковую похлёбку варила, бросила их в казан. Немного покипели, и мать говорит: «Сынок, они у тебя сморщились». Выложила оба в пиалу, передо мной поставила. Стал ложкой ковырять, а внутри какие-то диковинные штуки. «Обманули, они червивые», – решил я и выбросил. Братья до сих пор надо мной смеются.

– У нас тоже ещё недавно их «бакала» называли. Только теперь к помидорам привыкаем, – поддержал разговор Бекмуродуп.

Потом, пока варилась куриная шурпа, старик увлечённо рассказывал о войне.

Под вечер Ражаббой остановил на улице попутную машину, вручил Бекмуродупу узелок с костями и отправил его домой.

...Теперь, думая обо всём этом, Теша-ака невольно вспомнил недавние слова Раззок-бобо. Этот человек точно что-то скрывает. Но что? Имеет ли это отношение к его собственной судьбе? Может, старик сам убил и закопал того, кому принадлежали эти кости?!

Среди этих мыслей Теша-ака заснул. Когда открыл глаза, солнце уже клонилось к закату, повеяло вечерней прохладой. Хотел было пойти за водой: заодно ещё раз осмотрит место, где нашли кости – упрямые мысли твердили, что там что-то спрятано, а он не нашёл, – и картошку польёт. Может, прежде узбеки картошки и не ели, но теперь без неё хозяйство не обходится. Однако полежал, подумал и передумал. Нет сил с людьми ругаться. От вчерашней водки голова ещё ноет, ничьи слова ему не понравятся. Разозлится – ещё рубанёт кого-нибудь.

Лёжа так, он вдруг захотел повидать старшего брата. Давно не навещал. Нормурод по настоянию детей строит новый дом внизу деревни и оттого уже давно не в духе. Сходит, проведает, расскажет, что нашёлся знакомый отца, получит подарок за добрую весть. Нормурод, в отличие от младшего брата, дорожит любым воспоминанием об отце. Обрадуется.

Соскучился Теша-ака и по дому, где прошло детство. Заодно увидит его. Не сходит в эти дни – потом снесут, и останется одно сожаление. А за водой и завтра можно проследить.

С такими мыслями Бекмуродуп отправился в путь.

Нурбек вышел с кладбища и направился домой. Бабушка ждала, принялась подробно расспрашивать, и он рассказал всё.

Он бабушку не понимает. Старуха – как маленький ребёнок. Всё время кто-нибудь должен рядом сидеть, иначе страшно ей. И сейчас не хочет его отпускать. А отец велел запрячь осла в телегу и привезти от Махамат-ака четыре мешка селитры. Вручил четыре ярко-красные десятирублёвые купюры. Нурбек столько денег в руках ещё не держал; разволновался и, когда бабушка отправила его с гостями на кладбище, спрятал их в боковой комнате, среди постелей в стенной нише. Теперь позвал младшую сестру Муьтабар, оставил её с бабушкой, забрал деньги и, взяв в сарае седло, сбрую и хомут, вышел на улицу. За домом телега стояла, задрав оглобли «журавлём», а осёл под ивой лениво жевал корни пырея.

Отец, Турди-ака, к Махамат-ака не ходит, тот к нему тоже. Они никогда не ссорились, но почему-то отношения холодные. Не любят друг друга. Потому и поручил Турди-ака сыну такое важное дело – купить удобрение. У Махамат-ака где-то есть знакомые, которые привозят селитру; дома её и продают. Вообще-то Нурбеку тоже не хочется ехать к ним на осле. Стыдно. С дочерью хозяина, Дилфузой, он учится в одном классе. Эта смуглая, бойкая, подвижная девочка давно ему нравится. Но набраться смелости и сказать он не может.

Две недели как начались каникулы, и он очень, очень по ней соскучился. Только не знает, под каким предлогом пови-
дать. Когда отец велел съездить к Махамат-ака за селитрой
для подкормки табака при прополке, он сперва обрадовался,
а потом подумал, что ехать придётся на осле, и приуныл. Вот
такой стеснительный парень. Живёт в деревне, а ездить на
осле стыдится. Прежде было всё равно; с тех пор как Дил-
фуза стала казаться ему огнём, всё переменялось.

Стоит сесть на осла с телегой – уже боится встретить её.
Кажется, она засмеётся, станет дразнить или хотя бы разоча-
рованно подумает: «И этот деревенщина». Будто Дилфуза в
городе выросла и людей на ослах не видела... На самом де-
ле она простая, искренняя, работающая девочка. А Нурбек,
подросток, в душе которого вспыхнули первые искры люб-
ви и который ещё сам своей души не понимает, хочет делать
только то, что ей понравится; во что бы то ни стало выглядеть
перед ней хорошо, чтобы она не знала его дурных привычек.
Он много фильмов о любви видел, и ни в одном влюблённый
парень на осле не ездил. Поэтому ему кажется, что любовь
не признаёт ни ослиной езды, ни заляпанной грязью одеж-
ды, ни кетменя на плече, ни телеги, от которой тянет горько-
ватым запахом табачного сока. Дилфуза, думается ему, да-
лека от всего этого; а если бы и не была далека, всё равно
любил бы её. Почему-то, заметив её недостаток, он только
сильнее привязывается. Почему – не знает. Может, ему лег-
че от мысли, что она такая же, как все, и потому добиться

её расположения проще. Возможно. Но понять, принять, что мир, в котором он живёт, и любовь, которую себе представляет, несовместимы, что это два разных мира, он не может. Хочет подогнать жизнь под мечту, да не получается. А о том, что мечту надо сообразовать с жизнью, и не задумывался.

Он оседлал осла, запряг в телегу, посмотрел на себя и решил: в таком виде ехать неловко. Грязь, пыль, с кладбища всякое налипло. Привязал ослиную верёвку к столбу и вернулся домой. Несмотря на возгласы матери, развязал узел с бельём, лежавший в сенях на сундуке с хлебом, достал сложенную кремовую рубашку, старые брюки и переоделся. В тазу вымыл калоши.

До дома Дилфузы близко, доехал быстро. На улице встретил её соседа, Бахтиёра, который учился классом ниже. Тот возвращался с полива табака, обессиленный, с кетменём. Грязью забрызган до самой макушки, глаза ввалились, лицо – словно гранат, из которого выжали весь сок.

– Бахти, твои соседи ещё удобрение продают? – спросил Нурбек.

– Не знаю, – пожал плечами Бахтиёр. Разговаривать ему явно не хотелось.

– Я за селитрой приехал. Поможешь мешки погрузить? – попросил Нурбек.

Он стеснялся один явиться в чужой дом и боялся опозориться перед Дилфузой: вдруг не поднимет сорокакилограммовые бумажные мешки.

Бахти покосился на него: ни сил, ни настроения помогать у него не было.

– Я тороплюсь. То воду отводят, то борозды прорывает. Нор-полвон табак культиватором прошёл, криво провёл, теперь вода не идёт. Поем – и обратно.

Делать нечего: Нурбек слез с осла, взял за верёвку и пошёл к открытым воротам. Сердце дрожало. Ему казалась прекрасной не только сама Дилфуза, но и улица, где она живёт, дом, ворота, даже те две шелковицы с обрубленными верхушками у арыка. Ведь они растут напротив её ворот, каждый день её глаза смотрят на них, каждый день они любят-ся её красотой. Вот чем дороги эти деревья.

Он громко позвал.

– Эй-и-и! – отозвались из двора.

– Удобрение есть? – крикнул Нурбек.

Вскоре появилась Дилфуза – смуглая, с глазами газели. Было видно, что она взрослеет: лицо налилось, кожа стала тугой; мелкие косички откинута за спину, прядка на лбу спускается до бровей. За последние пятнадцать дней она будто стала ещё красивее.

Нурбека затрясло всем телом. В глазах потемнело. Он не мог собраться с мыслями, словно провалился в пустоту и перестал понимать, где он, что вокруг, сколько времени прошло.

– Заходи, Нурбек, – Дилфуза, видно, не ждала одноклассника и обрадовалась, лицо посветлело. – Куда пропал?

– Хожу вот, как Раззок-бобо говорит, пока ещё поверх земли, – улыбаясь, ответил Нурбек, поздоровавшись с одноклассницей. – Удобрение у вас есть?

Дилфуза огорчилась, что он сразу заговорил о деле.

– Ты-то как? – спросила с лёгким упрёком. – Что делаешь? Наших видишь?

– На поливе табака встречаю. Все в грязи ходят... – Нурбек посмотрел на свою одежду и смутился: чистая, а мятая. – Мы табак пропалывать собираемся, хотел удобрение купить, четыре мешка. Вы всё ещё по десять рублей продаёте?

Дилфуза посмотрела на него и по бегающим глазам поняла: волнуется. Удивилась: столько лет вместе учатся, чего ему смущаться?

– Удобрение на айване, – сказала она. – Телегу во двор заведи, грузить проще будет.

У края айвана были сложены бумажные мешки с минеральным удобрением. Нурбек завёл осла с телегой под навес для скота, кое-как развернул и привязал верёвку к столбу.

Дилфуза стояла на айване, возле удобрения.

– Четыре мешка возьму, ладно? – спросил Нурбек.

– Ладно.

– Вот деньги!

– Спасибо.

– Тебе спасибо...

После короткого разговора Нурбек подошёл к пыльным бумажным мешкам, сложенным у края айвана. Выбрал верх-

ний, кряхтя, попытался поднять. Мешок гладкий, ухватиться не за что; удобрение, видно, отсырело, слежалось, и руки всё время скользили. Лицо покраснело, ноги дрожали. Кое-как приподнял, но мешок выскользнул и медленно опустился ему на ступню. Хорошо, что успел крепко прижать, а то упал бы на землю и лопнул.

Стыдно, что одного мешка удобрения поднять не может; он суетился, не зная, куда себя деть.

Дилфуза поняла, в чём дело, и подошла:

– Погоди, я за край возьму. Тут вдвоём надо.

– Я сам подниму, – пробормотал Нурбек.

Ему было стыдно заставлять девочку работать.

– Перестань. Его одному не поднять. На днях Нор-полвон приезжал, и ему отец помогал. Он тоже сначала похвастался, хотел на плечо закинуть, а мешок упал и порвался. Ты сейчас так же порвёшь.

Нурбек выпрямился, спросил: «Правда?» – и перешёл к другой стороне мешка, словно решил: если уж Нор-полвон не поднял, то и мне не стыдно.

Они вдвоём уложили мешок на телегу и вернулись за следующим. Когда грузили второй, рука Нурбека коснулась мягкого запястья Дилфузы, и его будто током ударило. Всем телом почувствовал её тепло; запястье показалось нежным бархатом.

Пока они грузили мешки, бестолковый осёл уже сунул голову между столбами навеса, опутал верёвкой ноги, крепле-

ние оглобель чуть не развязалось, а телега едва не задралась вверх. Нурбек попробовал заставить его пятиться, но упрямец не хотел выбираться из тесноты. Хорошо, Дилфуза помогла: повернула назад тележное колесо, сделанное из мотоциклетного диска, толкнула, и ослу пришлось отступить и повернуться к улице.

– Спасибо, хорошо, что ты здесь. Что бы я без тебя делал? – искренне поблагодарил юноша.

– Это ведь наш дом. Где же мне ещё быть? – засмеялась Дилфуза.

– Я так, к слову... – Нурбек замолчал. Захотел сказать то, что было на сердце, но побоялся. Подумал. – У вас дома никого не видно?

– Сестрёнка спит. Остальные на прополке. Я тесто замесила, потому не пошла. Сейчас хлеб печь буду.

– А-а... – сказал Нурбек и вдруг вспомнил, что не поздоровался с ней за руку. Не обиделась ли? – Ну, я домой пойду...

– Чаю бы выпил...

Это было сказано просто из вежливости – самаркандский обычай приглашать для приличия.

– Ладно, спасибо... – Нурбек протянул руку на прощание. – Будешь в наших краях, заходи.

Услышав, что старших дома нет, он почувствовал, как заколотилось сердце. Теперь ему очень, очень хотелось, чтобы в доме было много людей. Это было бы хорошим предложением.

А сейчас оправдания нет. Если уйдёт, так и не сказав Дилфузе того, что на сердце, себе не простит.

С пятого класса он относится к ней по-особому. Сначала нравилось, что она хорошо делает уроки, учится на отлично. Потом полюбил её стать, слова, манеру держаться. С тех пор как влюбился, идти в школу – словно на праздник. Каждый день, собираясь после полудня, он думает о ней: сейчас придёт, увидит её, будет смотреть в глаза. От этих мыслей душа радуется, сердце ликует; кажется, счастливее него нет человека. В дни, когда она не приходит, будто что-то потерял: грустно, голова кругом, всё смотрит на её парту. А теперь, с начала каникул, целый день думает о Дилфузе, по вечерам, пока не уснёт, думает о ней. Хочет увидеть, взять за руки и выговорить всё, что носит в душе; рассказать всё-всё, что его радует и огорчает, беседовать с утра до вечера. Но оттого, что это лишь несбыточные мечты, сердце горит, становится обидно. В последние дни он понял и твёрдо решил: никого, кроме Дилфузы, на свете нет и быть не может.

Сейчас он хотел хоть немного открыть душу. Но колебался. Одна мысль твердила: не скажешь сейчас – такого удобного случая больше не будет. Другая уверяла: сейчас не время. Разве в любви признаются вот так – держа осла за верёвку, в мятой одежде?

– Дилфуза! – сказал он, посмотрев ей в глаза, и тут же отвёл взгляд.

– Что?!

– Если я тебе кое-что скажу, ты не обидишься? Я...

Девочка уже поняла, что он сейчас может сказать. Поэтому молча высвободила руку из его крепких пальцев. Нурбек этого даже не заметил. Теперь у него одна цель – признаться в любви. Только бы это сделать, а потом будь что будет.

– Я... я...

Дилфуза смотрела в землю и ждала.

– Я тебя... люблю, Дилфуза!

Сказал – и то ли от стыда, то ли от волнения лицо похолодело, по жилам пробежал какой-то холод, тело заледенело. Такого странного состояния он ещё никогда не испытывал.

– Нурбек... – У Дилфузы потемнело в глазах; она отвернулась и убежала.

Пока девочка не скрылась в боковой комнате, Нурбек не сдвинулся с места. Наконец почувствовал лёгкость, словно гора с плеч свалилась. Осёл упрямился, тянул на улицу. Эти твари такие: на пустом месте спокойно не стоят. Нурбек вывел его, а как только свернул на каменистую улицу, вскочил верхом, свесил ноги по обе стороны оглобель и, понукая: «Но, но!», – поехал домой.

Душа его волновалась: наконец сказал! Сумел произнести слова, которые столько лет червём грызли сердце, крали покой, не давали отдыха ни днём ни ночью... Неужели?! Он всё ещё себе не верил. Казалось, всё только привиделось; оборачивался, смотрел назад.

Подъезжая к дому, немного успокоился и подумал о Дил-

фузе. В горячке все мысли были только о себе, на неё он не обратил внимания. Наконец от средства перешёл к цели: задумался, зачем вообще всё это сказал, – и удивился её поведению. Думал, думал, так и не понял. Ведь она ни слова не ответила и ушла. Ни «да», ни «нет». Как это понимать? Может, ей стало противно? Возможно.

Он не мог прийти ни к какому выводу, терялся, сердце горело.

Думал, если произнесёт слова, которые камнем давят на душу, то избавится от мучений, заживёт свободно и больше ничто его не будет тревожить. Почему-то получилось наоборот. На душе стало ещё темнее, он оказался перед неизвестностью, в десять раз тяжелее прежней.

Почему Дилфуза промолчала? Может, ей нравится другой? Если так, что ему делать?! Если она кого-то любит, как он будет жить на этом свете?

До сих пор Нурбек просто любил девочку, а теперь начало казаться: без Дилфузы жизни нет.

Почему так вышло?

Юноша не знал, что любовь сама раздувает свой огонь, что, чем послушнее идёшь за сердцем, тем оно требовательнее; что любовь – как солёная вода: чем больше пьёшь, тем сильнее жажда.

Многих жизненных игр Нурбек ещё не понимал.

И когда выгружал мешки в сарай, и когда перекинул один через осла и отправился на табачное поле, мысли были заня-

ты Дилфузой. Прежде об этом самом нежном чувстве знал только он сам, не боялся, что кто-нибудь узнает. Теперь ко всем тревогам прибавился страх: «Дилфуза расскажет – перед людьми опозорюсь».

Через два дня Нурбек ехал на осле купаться в Новый арык. Жарко. Мальчишки торопятся, суетятся; девушки и женщины, разморённые зноем, возвращаются с прополки табака, по обе стороны лица свисают концы белых полотняных платков, которыми они укрылись от солнца.

Недавно приятели звали его купаться, но, пока он поел, уже уехали. Теперь домашние, вернувшись с прополки заросшего сорняками табачного поля, отдыхают и останутся дома, пока солнце не ослабит свой жар. Нурбек воспользовался этим и поехал вслед за друзьями. Всё равно в полдень все спят, а ему не хочется. Если в жару уснёт, потом голова болит.

За деревней почувствовал себя свободнее: здесь не каждый увидит его верхом на осле.

Новый арык – большой канал; там, где вода разливается, ширина больше десяти-пятнадцати шагов. Глубина с головой накроет. Каждый год в нём тонут один-два человека, потому некоторые родители детей не пускают. Нурбеку прежде тоже не разрешали, но теперь вырос, уже не спрашивает.

Внизу деревни раскинулись табачные поля. Вокруг зелено. Ранние посадки местами уже выше колена. Участок за участком – красивый вид. Но подойдёшь ближе – неприят-

ный запах. Особенно в жару ходить среди табака нехорошо: от запаха голова кругом.

Нурбек ехал между полями по дороге, оставленной для телег и тракторов: где-то пыль до щиколоток, где-то вода размыла колеи, превратила их в канавы.

Неподалёку дети, девушки и женщины возвращались в деревню. Когда солнце припекает в полную силу, деревня и окрестности затихают. Даже звуки, шумы будто распадаются от зноя, цепенеют; у людей нет сил разговаривать. Далеко-далеко закручиваются, извиваются, кружат пыльные вихри. С детства они кажутся Нурбеку таинственными. Он их боялся. Их называют нечистью: встретится кто на пути – собьют с ног, руки-ноги искривятся, язык отнимется. Разум старается убедить: не верь, это всего лишь завихрение воздуха. Но таинственные детские воспоминания, детский страх никакому разуму подчиняться не хотят.

И сейчас он смотрел на огромный вихрь, крутившийся над каменистым полем внизу деревни, в стороне Кингира. В сердце закрались непонятная тревога, чувство одиночества, и приближавшуюся девочку он не заметил.

– Как ты?!

Нурбек вздрогнул от голоса, прозвучавшего совсем рядом. Голоса притягательного, приятного слуху, давно желанного, волнующего душу. Перед ним стояла Дилфуза! Она была серьёзна, говорила спокойно.

– Как ты? – поспешно ответил Нурбек. – Не увидел, чест-

ное слово! На вихрь смотрел.

– Я заметила...

– Что делаешь? – заторопился Нурбек, словно, если замолчит, она уйдёт. – С прополки идёшь?

Он потянул осла за недоуздок, но тот остановился лишь чуть дальше, у пучка пырея на краю арыка. Нурбек повернулся боком, посмотрел на девочку, оставшуюся в трёх шагах позади, и не знал, слезть, подойти к ней или так и сидеть.

– К тётке помогать ходила, гребни пропалываем... На обед иду.

– А ты одна? – Нурбек наконец слез с осла, подошёл к однокласснице и поздоровался за руку.

– Тётя раньше ушла, еду готовить. А я свою борозду до конца доделать хотела.

Они не могли смотреть друг другу в лицо. Старались вести себя так, словно ничего позавчера не случилось, словно никаких слов между ними не было. Но оба знали: другой тот день не забыл, отношения уже не прежние.

– Я купаться еду, – сказал Нурбек, будто кто-то его об этом спрашивал, и сам своих слов застенялся.

Купаться ведь значит раздеваться. Говорить об этом перед такой прекрасной девочкой неловко.

– Жарко, – сказала Дилфуза.

Видно было: её что-то тревожит, ей неловко. Оба словно больше не знали, что сказать. На самом деле в душе у каждого было столько невысказанного, сердца тянулись друг к

другу. Но теперь, когда появилась возможность, они не знали, о чём говорить.

– Ты совсем не устаёшь, да? – почему-то спросил Нурбек, будто нашёл тему.

Пригладил волосы сверху вниз: если где торчат, пусть будут «причёсаны».

– Почему? Устаю... – Дилфуза хотела ещё что-то сказать, но передумала.

– Когда же школа начнётся?!

Нурбек сказал это скорее как пожелание, как мечту, но девочка поняла как вопрос:

– Первого сентября.

– Ещё долго...

Снова замолчали. Дилфуза замялась, попыталась спрятать правую руку за спину. Будь Нурбек в состоянии что-нибудь заметить, увидел бы, что она что-то держит в кулаке. Но сейчас он ничего не соображал.

– Ну, я пойду, – нерешительно сказала Дилфуза, вытирая лицо концом белого платка, свисавшего с головы. – Тётя, наверное, чай приготовила, ждёт.

– Иди, – ответил Нурбек, хотя ему совсем, совсем не хотелось, чтобы она уходила. – После полудня опять на прополку?

– Ого, там ещё много... Всё заросло. Лебеда... Дней на десять... – торопливо сказала Дилфуза. – Только я на один день пришла. Потом своё пропалывать будем...

Они опять умолкли.

– Ладно, езжай, не буду задерживать, – сказала наконец Дилфуза, не дождавшись от Нурбека ни слова. – Наверное, спешишь по делу.

– Не-е-ет, не спешу. Просто купаться... Ладно, иди...

Он повернулся и пошёл к ослу.

– Нурбек... – вдруг произнесла Дилфуза странным голосом.

Его имя прозвучало у неё грубо и некрасиво. Он сам удивился. Чужие имена Дилфуза произносит так красиво, так нежно. А его...

И в этом у него опыта не было. Он не знал, что девочке трудно произнести имя того, кто ей нравится: не хватает смелости, дрожь в сердце мешает выговорить имя любимого до конца.

– Да! – Нурбек обернулся.

– Возьми, – сказала Дилфуза, наконец протягивая сжатую правую руку.

– Что это?

На его раскрытую ладонь упал клочок бумаги, вырванный из тетради в клетку.

– Сейчас не читай! – сказала Дилфуза, отвернувшись и поспешила в деревню.

Нурбек остался стоять, поражённый, не зная, что сказать.

Когда опомнился, осёл уже ловко воспользовался внезапно обрётённой свободой и бежал через табачное поле. Уви-

дел на другом краю пасущегося сородича.

Нурбек бросился следом. Но осёл есть осёл: получил от того, к кому так рвался, два удара копытом под морду, взбрыкнул и побежал к деревне. Видно, решил вот так насладиться свободой – заставляя всех гоняться за собой по жару. А Нурбек не знал, что делать. Меж двух огней: с одной стороны, осёл удирает, упустишь из виду – потом не найдёшь. С другой – бумажка, которую дала Дилфуза, жжёт руку, как раскалённый уголь. Что там может быть? Что написано?

Бежал, задыхался – и наконец любопытство взяло верх: «Будь что будет, сначала прочту, потом упрямую скотину поймаю. Куда он убежит? Не через горы же в Шахрисабз».

Он остановился, развернул сложенную бумажку и жадно прочёл письмо, написанное красивым, ровным почерком.

«Нурбек, тогда Вы сказали мне, что любите. Но мы ещё молодые... О любви думать рано. Вот окончим школу, тогда видно будет. Сейчас нам надо только учиться. Но я тоже много думаю о Вас. Почему-то никак не могу забыть. Это, конечно, нехорошо, но что мне делать, если ничего не могу с собой поделать? Вообще говорить о любви стыдно. Воспитанные девочки так не делают... Заходите к нам.

Дилфуза».

Это было письмо простой девочки, вступившей в пору взросления: она и сама толком не понимала, что написала, и стеснялась высказать всё, что чувствовала. Нурбек думал, думал, но так и не понял, что она хотела сказать. Сел на

межу, принялся разбирать письмо. С одной стороны, будто он ей нравится – и это очень радостно. Но что значит «воспитанные девочки так не делают»? А «ещё рано»? Может, хочет вот так, мягко, отказать. Возможно. Разве девочек поймёшь?

Нурбек не мог признать очевидного, вместить это в голову. Как такая девочка, как Дилфуза, может полюбить его, нескладного, неотёсанного мальчишку?

Даже напиши она: «Я Вас люблю», – он не поверил бы, решил, что насмехается.

С тысячью мыслей в голове Нурбек бережно положил письмо в карман и пошёл искать осла. Сердце от волнения всё ещё билось, как куропатка в клетке.

Что теперь будет?

Вопрос, мучивший его, совершенно точно не относился к ослу, который где-то там в упоении брыкался и скакал.

Раззок-бобо унесло в воспоминания. В эти дни он никак не мог оторваться от прошлого. Оно ожило, и он говорил всякому встречному о былых событиях, о тщете человеческой жизни, о том, что, пока жив, надо сделать хоть что-нибудь стоящее, что смерти бояться не следует. Каждому рассказывал о его предках: «Отец твой был такой, дед – такой». Хотел, чтобы люди тоже знали историю, которую помнит он, не забывали своего прошлого, чтобы столько событий, столько страданий не стёрлись из памяти человечества, будто ни-

чего не было. Но не понимал, что большинству это не нужно: каждому интересна собственная жизнь.

Некоторые, особенно его дети, тревожились: отец словно стал ребёнком, что-то у него в голове переменилось. Кому в нынешнее время нужны наставления – не бойся смерти, цени жизнь? Войны нет, все заняты своими заботами, никто не мучается вопросом, как прожить свой век. Хочешь не хочешь, обречён двигаться по прочерченной прямой: рождение, учёба, женитьба, дети, табак, деньги, хозяйственные заботы, смерть. Есть ли у сегодняшнего человека право думать о чём-то ещё? Есть ли нужда? Куда пойдёшь за пределами этого круга? Перед нынешними людьми нет той задачи, о которой говорит Раззок-бобо и которую призывает решить. Видно, старик перепутал времена. У жителей одна забота: во что бы то ни стало собрать и сдать табак до дождей. Ведь от этого зависят весь семейный доход, будущее, сама жизнь. Ничто другое их не интересует.

А о том, что мучило его самого, – что он убил человека, что руки его в крови и с этой болью он живёт уже шестьдесят лет, – старик так и не осмелился никому сказать. Хотел выговориться, горячо, со всей душой, выплеснуть всё, освободиться от боли, столько лет давившей на сердце, как огромный камень, но смелости не хватило. Испугался.

Лежал на боку у водоёма, погружённый в эти мысли. Думал о Матлуба-момо – одной из тех, кто пострадал от их с Комилом безумства. Из-за двух подростков, из-за их глупо-

сти вся жизнь этой старухи прошла в горе.

Раззок-бобо места себе не находил. Он ведь не обладал такой властью, чтобы решать, жить ли человеку, менять чужую судьбу, погружать другого с головой в печаль и страдание. Какое право имел распоряжаться человеческими жизнями? Он ведь никто, даже той отваги, того пыла, что были у его друга Комила, не имел. Обычный, прижимистый, вялый человек – таким и прожил свой век.

В последние дни, перебирая всё, что сделал за жизнь, Раззок-бобо оценивал себя именно так. Уж во всяком случае, он не из тех, кто решает чужие судьбы. Горько было думать, что светлой памяти после себя не оставит. Но сколько ни размышлял, не нашёл ответа и на другой вопрос: «А остальные? С чем ушли остальные?» Это немного утешило его обожжённую душу.

Какие времена прошли, какие смуты! Какие люди отнимали жизни и отдавали свои, а сегодня никого из них не вспоминают. Ни одного... Между тем их величие, сила, дела не уместились бы во множестве книг. Да что книги – они в собственном времени не помещались. Но ни от кого не осталось даже искорки памяти. Их дети увязли в житейских мелочах, не могут и шагу сделать за пределы табачного поля.

Вот от Бекмурода осталась кучка костей. И ту внук два дня таскал, не давая покоя. Больше ничего: ни доброго имени, ни светлого воспоминания. А ведь это был человек храбрый, великодушный. Если кого и помнить, то таких. Его по-

томки заняты хозяйством: рады, что табак от сорняков очистили; рубят посаженные дедом тополя, чтобы перекрыть сушильню; ломают построенный им дом, выкорчёвывают сад, который он вырастил. Даже не интересуются, кем в действительности был их дед.

Эта деревня была домом для стольких сильных людей, а кто живёт здесь теперь? Обидно, что эти мелкие людишки ведут себя полновластными хозяевами, будто деревня с них началась и ими закончится, будто никогда не умрут и вечно будут здесь жить. А ведь и прежде здесь столько людей прожило. Для нынешних же их словно вовсе не было, словно не жили. Разве это справедливо?

Раззок не мог никому объяснить истину, которую понял сам: деревня принадлежит не только сегодняшним жителям; тысячи людей прожили здесь, считали это место священным и ушли. Никто его не понял. Казалось, все перестали вспоминать прежних, каждый увяз в своих заботах. Это представлялось ему самым тяжким преступлением.

Ведь и сам вот-вот покинет мир, чувствует: отпущенный срок подходит к концу. Неужели его, как и остальных ровесников, забудут, едва опустят в землю? Неужели ждёт та же участь? Тогда зачем вообще было жить?

После полудня Раззок-бобо потихоньку отправился в путь. Хотел повидать Матлуба-момо, немного поговорить. Но и сам не знал точно, зачем идёт. Подумал было: «Расскажу этой старухе о прошлом, будь что будет». Однако ещё не

выйдя на улицу, не додумав до конца, уже знал: не сможет. За всю жизнь, если не считать того, как они с Комилом застрелили муллу Бозора, он никогда ни на что решительное не отваживался. И тогда без Комила ничего бы не сделал. Просто пошёл вместе с другом. Зачем же брать на себя то страшное убийство?

Старик мучился, не находя ясного ответа, нарочно отвлекал себя. В конце концов, он боялся отвечать за то убийство. Всю жизнь боялся, и сейчас тоже. Хотя столько времени прошло: никто за грудки не схватит, никто не скажет: «Так вот что ты прежде натворил, мерзкий старик!» Для нынешних людей события той поры – сказка, а в сказке всякое бывает.

По дороге он понял, зачем идёт к старухе: хочет увидеть последствия ошибки, совершённой шестьдесят лет назад. Может, хочет уверить себя, насколько был могуществен, как решил судьбу целой семьи; может, ещё раз доказать себе, каким был негодяем, – точно понять не мог. Человек ведь и самого себя до конца не понимает.

Матлуба-момо сидела там, где в тот день принимала двоих гостей: на топчане в тени карагача, ниже айвана. Раззок-бобо вошёл прямо, не окликая хозяев.

– Чеча, как вы? – сказал, подходя. – Дремлете...

При виде старика Матлуба-момо засуетилась. Давно не встречались; она знала, что этот человек без причины порога не переступит, и подумала: зачем пришёл?

– Заходи, братец, – сказала она. – Поднимайся на топчан.

– Вспомнил о вас, решил провести, – сказал Раззок-бобо.
– Надо ведь дорожить друг другом, пока живы.

– Верно, – старуха смотрела на него, пыталась понять, зачем пришёл, но не могла. Только безучастность видела на лице. Глаза стали мутными, от пристального взгляда краски расплывались. – И мой час недалёк.

Раззок-бобо осторожно присел у края топчана. Старики такие: если дети невнимательны, любят напугать их напоминанием, что отпущенное время убывает. И старуху в последние годы занимала одна мысль – умереть. Думала только об этом, словно готовилась к самому важному событию жизни. Будто это главное дело, ради которого пришла на свет; ждала его с волнением. С таким интересом, с таким нетерпением она в детстве собиралась на свадьбу.

У Раззок-бобо подобное настроение появилось недавно; потому и бродил он по деревне, не находя себе места. Он не знал: если переживёт это состояние, привыкнет, то сможет прожить ещё. Не мог понять, потому что не умел взглянуть со стороны на то, что с ним происходило.

Старик спросил о здоровье, и Матлуба-момо перечислила множество болезней и болей, известных и неизвестных ей самой. Потом заговорили о детях, внуках. Он спросил, почему дома никого нет. Оказалось, все на прополке табака.

– Неблагодарные они, – пожаловалась старуха. – И дела нет, что я в годах. Табак им дороже отца с матерью. Боюсь, умру, а они и не узнают. Не думают об этом. Разве люди так

поступают?

– Не жалуйтесь, мои такие же. Хорошо, один внук ещё в люльке, за ним другого внука смотреть оставляют. Вот он мне чай, хлеб и подаёт. А старшим всё нипочём... Момо, наша жизнь прошла. Они тоже свою проживают. А мы с этим смириться, об уходе подумать не хотим. Только мешаем детям жить.

– Пусть смотрят, – сказала старуха. – Разве даром растили? Вот Турди: когда мать замуж ушла и он у отчима остался, я его годовалого или двухлетнего к себе взяла, сама растила. Столько носила – поясница чуть не переломилась. Он у меня за спиной, в руках кетмень, колхозный хлопок мотыжу...

Когда отца Турди приговорили к смерти и расстреляли, мальчик ещё был в материнской утробе. Родился в соседней деревне, в доме её отца. Не успел ему исполниться год, Ризвон выдали замуж за другого. У того были дети; Турди с ними не ужился, оставался чужим. А Матлуба-момо была одна в огромном, просторном дворе. Единственного сына приговорили к смерти, невестка ушла, в деревне ни близких, ни родни. Вернуться к своим, в Суфикишлак, – некуда. Много лет прошло; в отцовском доме ей нет места, там живёт сестра с семьёй. Родственники давно охладели. Был бы брат, может, приютил бы... Оставалось хранить огонь в доме мужа – её священный долг. Бог закрыл все другие дороги. Она решила: это и есть её главное дело в жизни. Иначе где она, а где Гултепа? Ни в одном сне не могла представить.

Матлуба-момо всё ходила в дом, где теперь жила Ризвон, не давала им покоя. Новый муж оказался злым, грубым; раз другой почти выгнал её. Но ведь уши слышат: доходили вести, как холодно относятся к внуку, сердце горело, и она снова шла. Тут Ризвон проявила великодушие. Ни разу не посмотрела бывшей свекрови прямо в лицо, ни слова ей не сказала. Знала, что во многом виновата, считала себя грешной. Хорошо знала, как живёт старуха, жалела её, сердце болело. И как ни тяжело было, отдала бывшей свекрови Турди, который уже начал сладко лепетать первые слова. Это имя Ризвон дала ему по завещанию мужа. Так хоть немного искупила вину, заплатила за страдания, которые вольно или невольно причинила Матлуба-момо. Она понимала: у старухи Турди хорошо воспитают, в будущем у него будет дом. А останется с её злым мужем – намучается, натерпится унижений. Матери тяжело расставаться с живым ребёнком, но пришлось смириться. Ведь из-за одного её греха столько людей пострадало, и лишь она легко вышла из всей этой истории. Значит, настало время расплатиться.

С этими мыслями, со слезами в глазах, с болью в сердце Ризвон отдала ребёнка.

Матлуба-момо одна вырастила Турди, старалась, чтобы он не чувствовал отсутствия отца и матери. Потом женила, родились внуки. И вот теперь этот мальчик, эти внуки стали считать старуху лишней.

– У молодых свои заботы, – тихо сказал Раззок-бобо. –

Я тоже в молодости, когда мать так говорила, не понимал. Думал, она не умрёт. Умереть, конечно, может, она ведь тоже человек, но не сейчас, не сегодня. Позже, ещё позже, а до того я долг исполню, успею. Не знал, что когда-нибудь то «однажды» станет «сегодня». Думал: ещё успею матери добро сделать, ещё добрыми делами её благословение заслужу, только завтра, только потом – сейчас некогда... Так и думал. А это «завтра», оказывается, никогда не приходит... Теперь смотрю на своих детей и вспоминаю. Думаю, они тоже потом раскаются, но как объяснить – не знаю. Скажу – всё равно не поймут, решат, что почтения требуют.

– Они раскаются?! Не знаю... Вот вы после войны не женились, ради детей жили. Кто-нибудь спасибо говорит?

– Лишь бы у них всё спокойно было. Остальное нам не нужно.

Сказав это, Раззок-бобо прокашлялся.

– Я вот зачем пришёл... Был в нашей деревне человек, Бекмурод. Помните? – Он хотел подвести разговор к мулле Бозору.

Старуха долго думала, перебирала память, изношенную, как ветхий матрасик, но не нашла ни одного следа такого человека. Ни приметы, ни события, о которых говорил Раззок-бобо, ничего ей не напомнили.

– А-а... – сказала наконец, поняв, что и сама измучилась, и его измучила. – Отец Нодира, который на войне пропал? Не знаю его. Когда я сюда приехала, его уже не было. Слыша-

ла, люди кое-что говорили... А что, весть о нём появилась?

– Нет, я просто вчера вспомнил. Не знал, что вы сюда после его исчезновения приехали... Его внук Нормурод переезжает. Говорят, сломал дом, который Бекмурод-ака построил. Напрасно. Всё-таки память о деде, дедовский дом.

Раззок-бобо опять отвлёкся, ушёл от темы. Хотел сказать, что память о человеке дорога, что нехорошо, когда она исчезает, да прикусил язык. Нужно ли это старухе, которая не признаёт никого, кроме себя, и ничего, кроме собственной смерти? Сможет ли она эту истину постичь, понять?

– Вот... – сказал он после долгого молчания. – Сегодня на кладбище был... Могилу Бозор-ака тоже увидел, посетил, молитву за его душу прочёл.

Раззок-бобо наконец решил: если старуха заинтересуется, расскажет ей о боли, которая столько лет грызла его изнутри.

– На базар ходили? – переспросила она, не расслышав.

Старик поник. Видно, она забыла, что когда-то, лет шестьдесят назад, в ту пору, когда жизнь бурлила, кипела, когда человеку было суждено торопиться жить и поспешно умирать, у неё был муж, которого ночью застрелили неизвестные. Ведь даже имени не расслышала.

Раззок-бобо решил: этой старухе всё равно, кто и почему застрелил её мужа, всё равно, был ли он вообще. Она живёт одной надеждой, одной-единственной мыслью – умереть.

Лучше пусть всё остаётся как есть.

Услышав, что дочь продала его врагу четыре мешка селитры, Махамат-ака рассердился, но виду не подал. Виновником любой беды, любой трудности в своей жизни он считает семью Турди. Ещё ребёнком слышал от взрослых: его отца застрелил отец Турди. Боль осталась с ним. Вырос сиротой, у отчима, с обидой в душе; сколько себя помнит, уверен: будь отец жив, жизнь сложилась бы иначе. А виновата в его несчастье та семья... Со временем эта мысль стала частью его самого. Перед каждой трудностью он горюет, думая об этом. Но признать, что семья Турди тоже стала жертвой того же события, тоже пострадала, понять, что её члены в случившемся не виноваты, не хочет. Не хочет понять и того, что, будь отец жив, он не поддерживал бы его до нынешних лет: свои трудности всё равно пришлось бы решать самому. Ненависть к семье Турди не гаснет, но он старается её не показывать. Никогда не ссорился, встретятся – здоровается, расспрашивает, боль наружу не выпускает. Сиротство воспитало в нём осторожность; никому не осмеливается рассказать о том, что его мучит. Так и живёт человек, недовольный миром, людьми, жизнью, пряча свою горечь. Жизнь сделала его молчуном: поди угадай, что у него внутри. Потому и дочери ничего не сказал. Взял деньги, положил в карман.

Эту дочь он любит за трудолюбие, за расторопность, всегда ласково зовёт: «Моя дочка-мамочка». А Миродила, единственного сына, ни за какие богатства не доверит чужим рукам. И об обручении с дочкой Мустафо заговорил, словно

намекая: у него тоже есть сын, и он тоже может сына женить. Но не подумал, что разговор, начавшийся шуткой, со временем станет непреложным правилом, законом.

Через три дня Махамат-ака вышел поливать табак. Его участок находился за оврагом, там, где прежде был сад Ой-сара-момо. Провести сюда воду очень трудно. Деревенский бригадир велел на три дня закрыть затворы бетонного канала и пустить воду сюда. Сегодня первый день.

Когда-то здесь, как и во всей стране, хозяйство было общим. Табак начали сажать ещё до войны, а к шестидесятым он стал главной культурой района. Но урожаи тогда были невелики: уход тяжёлый, требует много времени, труда, места, растение нежное, и коллективное выращивание себя не оправдывало. У хлопка другой порядок: вырастил в поле, готовый урожай можно прямо на склад отправлять. С табаком иначе: его надо сушить, укладывать в тюки. На это нужны время, постоянное внимание, специальные помещения. Учтя всё это, хотя и вопреки политике того времени, в табаководстве ввели семейный подряд. Землю разделили между людьми и обязали выращивать табак. У начальства стало меньше головной боли: теперь не надо гнать людей на работу, все сами налетают, с детьми, с домочадцами. Каждый отвечает за себя, сам выращивает урожай, сам сдаёт государству. Словом, каждому платят по его труду. Один за другого не отвечает, общего больше нет.

Способ себя оправдал, урожаи выросли. Но у всякого

добра есть оборотная сторона: люди заставляли детей работать как рабов, дома и сараи заполнялись готовым урожаем – сухими табачными листьями. В дождливые дни пусть семья с детьми хоть на улице сидит, а туганаки, как называли нанизанные на нить, высушенные и связанные пучки табачных листьев, должны висеть под крышей.

Никто никому не говорит: «Поле запустил, иди работай». Хоть всё лето гуляй – никому дела нет. Но каждый и сам трудится. Все одинаково вцепились в работу, ни детям, ни взрослым покоя нет. В августе-сентябре, когда урожай поспевает, никто не спит больше четырёх-пяти часов. Надо дорожить временем, теплом, солнцем. Не успеешь сорвать созревающие листья, нанизать на нить, высушить в жару – начнутся дожди. И табак растение нежное: первый же заморозок его губит.

Махамат-ака, как и все, за свой табак душой болеет. Последние десять дней вся семья пропалывала заросшие участки, теперь нужна вода: растения иссохли, поникли. Поливать табак – мужское дело, без ссор и драк ведь не обходится. Махамат-ака, у которого в семье одни девочки, это даётся тяжело. Кто-то должен распределять воду по бороздам, кто-то без конца следить за арыком, иначе отведут. Он взял с собой и избалованного сына, Миродила, которому было около десяти лет. Пусть сын смотрит за отводами на поле, а он сам пойдёт за водой. Не приучишь ребёнка с малых лет к работе – потом ему трудно придётся. С лентой в этих краях не

проживёшь.

С утра Махамат-ака получил свою очередь на воду, но едва успел кое-как пустить её по бороздам, как приток иссяк: кто-то отвёл. Он взял кетмень и отправился по арыку. Миродил остался сторожить участок.

– Смотри внимательно, чтобы воду по бороздам не провало. Где много пойдёт – сразу убавляй.

– Отец, можно я пойду в овраг, птенца возьму? – спросил Миродил.

– Потом, сынок, потом. Вернусь – посмотрим, – Махамат-ака едва сдержался. У него свои беды, а сын о чём говорит!

По дороге Миродил встретил приятелей Шамси и Бобо, пасших овец. Они сказали: «В овраге птенцов возьмём, спроси отца и приходи». Потому ему и не терпелось. У отвода скучно. Рядом никого, вон там четыре-пять женщин пропаляют, ещё дальше кто-то поливает табак. Все заняты своим делом. А вода тонкой струйкой доходит меньше чем до половины из пятидесяти борозд.

Закатав штаны, мальчик спустился в один из выложенных дёрном отводов, каждый из которых питал по десять борозд, и стал играть, выбрасывая оттуда грязь. Заскучал. Захотел домой. Но отец велел оставаться, уходить нельзя. Поел немного абрикосов и хлеба, завёрнутых в отцовский поясной платок, – не успокоился.

Эти места называют «степью»: деревьев мало, вокруг от-

крытые поля. За табачными участками начинаются зерновые. Богарные! Летом вода туда совсем не доходит. Поля тянутся к далёким деревьям и горам. С другой стороны в ложбине проходит овраг, за ним кладбище. И деревня как на ладони: желтоватые дома, сине-зелёные деревья. Мальчику она показалась далёкой. Зато овраг близко. Вон десять-пятнадцать овец пасутся на единственном свободном клочке этих полей, у его края. Овцы приятелей. А сами они, наверное, достают из гнёзд в откосе голых птенцов.

У мальчика сердце затрепетало: пропускает такое интересное! Птенцов из гнёзд в овраге он ещё не доставал, даже не знает, что с ними потом делать, но мальчишки много рассказывают.

Ему было любопытно, как выглядит птенец. Приятели увлечённо рассказывали: весь голый, одно мясо. Интересно. Откуда потом перья растут? Ещё они часто говорили, как заливали водой норы сусликов, ловили выбежавших зверьков и убивали. Миродилу это казалось чем-то волшебным.

Несмотря на запрет отца, решил ненадолго сходить к друзьям. «Быстро вернусь, отец не узнает». С этой мыслью пошёл к оврагу.

Два мальчишки, усевшись вдвоём на осла, бесцельно бродили по ровному дну оврага, усеянному камнями, которые сель скатил с гор, и стреляли из рогатки в порхавших неподалёку воробьёв, майн и удонов.

– Эй, спускайся! – сказал Шамси. – Птенцов возьмём.

– Тут не спуститься!

Сель размыл овраг, и оба берега были отвесными.

Мальчики показали, где можно сойти: ниже, там, где проезжают телеги.

Втроём стали рассматривать гнёзда, вырытые птицами в отвесном берегу. Ни до одного не дотянуться. Встали на осла, пошарили в одном – ничего.

Наконец наметили другое, повыше.

– Там птенцы. Видите, воробей чирикает, хочет внутрь, а нас увидел и не решается. Боится, – сказал Шамси.

Подвели осла ближе.

– Дайте и мне посмотреть, – попросил Миродил.

Мальчики согласились.

– Осторожно, там всякое может быть, – предупредил Бобо, державший осла за недоуздок.

Шамси держал седло и, на всякий случай, ногу Миродила: если осёл тронется, тот может упасть.

Наверху всё ещё кружил и чирикал воробей. Миродил робко сунул правую руку в гнездо. Пальцы словно задели сухую траву, потом что-то гладкое, холодное, твёрдое, странное. На птенца не похоже. Он просунул руку глубже. И тут... Кончик среднего пальца пронзил боль, будто кто-то неожиданно уколол иглой. Растерявшись, мальчик отпрянул, потерял равновесие и упал. Шамси, державший его за ногу, попытался подхватить, но не смог: Миродил выскользнул из рук и с глухим стуком рухнул на камни.

Бобо с недоуздкой в руке растерялся. А старый осёл равнодушно стоял на месте; только пошевелился, почувствовав облегчение оттого, что груз больше не давит ему на спину.

– Рука... оса в руку ужалила! – кричал Миродил, лёжа и громко плача. От сильной боли тряс кистью, но, видно, не помогало: лицо всё бледнело. Приятели тоже растерялись. Они больше боялись того, что он упал с осла, чем осы. За это можно и несколько затрещин получить.

Миродила, который криком оглашал весь овраг, усадили на осла и вывезли наверх. Знали, что Махамат-ака где-то рядом, и направились к табачным полям.

– Шамси, может, убежим? – сказал побелевший Бобо, подгоняя осла прутом сзади. – Сейчас отец его нас обоих убьёт... И овцы без присмотра. Зайдут в совхозную люцерну – пожарные угонят.

– А он?

– Сам доедет.

– Он же кричит на весь свет! Вдруг что-нибудь случится?.. А мой осёл?

– Я ухожу. Отец его спросит: «Зачем уронили?» – и точно убьёт. Как хочешь!

Бобо повернул и побежал обратно.

– Тогда и моих овец к себе домой пригони! Потом отделию! – крикнул ему вслед Шамси.

Его обидела трусость приятеля, но сейчас не до спора. Лишь бы скорее отдать Миродила отцу и забрать осла, а по-

том видно будет.

Миродил кричал так, что всё поле слышало: боль расплзалась по телу. К счастью, вдалеке Махамат-ака тоже возвращался к своему участку вдоль оврага, с кетменём на плече. Увидел детей – и кольнуло сердце. Показались знакомыми. Ещё не разобрал, кто они, а уже почуял недоброе. Ускорил шаг.

Шамси оглянулся, заметил Махамат-ака возле оврага и повернул осла к нему.

– Что случилось?! – закричал Махамат-ака, узнав сына. – Что с Миродилом?!

Сердце готово было выскочить изо рта, всё тело задрожало, руки затряслись. Ведь только что мальчик был здоров, бегал, а теперь посинел, глаза закатываются, руки и ноги безвольно обвисли, сознание едва теплится.

Миродил уже почти не кричал, слабел всё больше.

– Что с ним?!

Махамат-ака поспешно взял сына на руки.

Шамси заплакал от страха, как только издали увидел Махамат-ака. И теперь всхлипывал, не зная, что сказать; дыхание застревало в горле.

– Что случилось?! – побледневший, с расширенными глазами, Махамат-ака смотрел то на сына, то на него.

– Оса ужалила, – наконец ответил Шамси, растирая глаза. – Хотел в овраге птенца достать, а в гнезде оса была, она и ужалила.

Махамат-ака посмотрел на протянутую руку сына: два ярко-красных следа, рука до локтя распухла и посинела. Понял, в чём дело. Растерялся: не знал ни как Шамси ругать, ни как сына утешить.

– Что мне делать? – бессильно произнёс он. – Куда идти?!

Так и стоял немного, не зная, что делать, о какую стену головой биться. Растерянность мешала что-нибудь решить. В глазах темнело. И в таком состоянии он понимал, насколько непрочна, насколько хрупка человеческая жизнь. Между жизнью и смертью один шаг, и, чтобы перескочить это расстояние, не нужны ни большая сила, ни усилие. Оттого, что оно одинаково и для молодого, и для старого, в душе стало темно.

«Неужели потеряю этого дорогого сына, этого чистого, невинного ребёнка?» – мелькнула мысль, и он сам её испугался. Горел от несправедливости жизни. Один за другим прошли перед глазами самые сладкие мгновения, от младенчества Миродила до сегодняшнего дня.

Сын был рядом, живой, а он почему-то уже тосковал по нему. Мучился, словно потерял навсегда.

Наконец вспомнил Мустафо и, прижав мальчика к груди, побежал к его дому, задыхаясь. Шамси так и остался смотреть им вслед, разинув рот.

Махамат-ака не помнил, как добрался до приятеля. Голова не работала. Только одно: сыну тяжело, надо как-нибудь спасти ему жизнь. Ничего другого ни подумать, ни вместить

в сознание не мог.

– Заводите машину, Мустафо-ака! – закричал он, входя в железные ворота, обходя стоявшую здесь синюю машину.
– Мустафо-ака! Где вы?! Скорее! Сын умрёт... Миродила потеряем!!!

Никого не видя, он кричал на весь двор. Ясно понимал: каждая минута дорога, потом эти минуты не вернуть, хоть всё имущество продай, хоть всю жизнь трудись, носом землю рой. Чем больше думал об этом, тем сильнее дрожал от страха, слабел перед собственной беспомощностью.

– Что случилось?! Чего так кричишь?

К счастью, Мустафо был в глубине двора: то ли лишние побеги винограда обрезаю, то ли траву скоту косил, словом, возился там, весь в пыли. Быстро подошёл к воротам, увидел на руках Махамат-ака посиневшего, обессиленного Миродила и сам испугался.

– Что с ним?

– Змея укусила... Заводите машину, в Ургут, в больницу! Скорее, пока не поздно!

Мустафо сразу понял положение и, приговаривая: «Ой-ой, Боже! Прости нас!» – поспешно завёл мотор.

Их сразу направили в реанимацию. Врачи унесли мальчика внутрь. Махамат и Мустафо растерянно ходили по длинному коридору, кричали, что-то говорили; их отвели и вывели наружу. Дверь заперли изнутри. Никто не хотел с ними ни говорить, ни здороваться, на вопросы Махамат-ака не от-

вечали. Все хлопотали возле мальчика, спешно вводили лекарства.

Минут через десять вышел невысокий, худощавый молодой человек в белом халате.

– Кто отец ребёнка? – спросил он.

– Я! – Внутри у Махамат-ака словно что-то оборвалось, тело похолодело, сердце ушло в пятки. По хмурому лицу врача он решил: случилось то, чего он не хотел, но о чём без конца твердило враждебное сердце. – Неужели, доктор?!

– Сейчас идите в аптеку и быстро принесите эти лекарства. Только не медлите!

Врач протянул клочок жёлтой бумаги. Поняв, что сын ещё жив, несчастный отец заплакал от радости.

– Доктор, Миродил мой единственный сын, – заторопился он. – Он должен жить... Вы за ним смотрите, я всё отдам, сколько скажете, заплачу...

Он хотел ещё многое сказать, но врач слушать не стал. Видно, от таких обещаний давно загрубел; слова измученного отца нисколько его не тронули, и он оборвал:

– Лучше поменьше говорите и принесите лекарства. Это будет самое большое добро, которое вы сейчас можете сделать сыну. Пользы больше, чем от часа разговоров.

Махамат и Мустафо отправились в аптеку.

– Мустафо-ака, как думаете, они нас не обманут? Не переведут Миродила куда-нибудь ещё? – спросил Махамат, не зная, как высказать то, что грызло душу.

– Куда переведут? Что ты выдумываешь? Если переведут, они что, нас боятся?

– Кто их знает...

Махамат-ака мялся. Его мучила мысль: вдруг сын уже умер, а они перенесут его в морг и вскрыют? И сам не понимал, чего боится – смерти сына или того, что его тело разрежут. Оказался в таком странном состоянии, что и мысли, и логика стали чужими. Ещё по дороге сюда уверился, что потерял Миродила. Теперь больше тревожился, что врачи разрежут, поругают тело его единственного сына.

Поняв, что Мустафо вовсе не подумал о смерти мальчика, о том, что его тело могут вскрыть, он утешился: значит, тот верит, что Миродил выживет. Значит, сын жив, а ошибается он сам.

Нашли половину назначенных лекарств. Остальных, сказали, в районе нет. В спешке оба вышли без денег, и продавец упёрся: «Не дам», – даже то, что было. Долго спорили: один умолял, другой плакал, всхлипывал – ничего. Продавец понимать не хотел. Наконец оставили водительское удостоверение Мустафо, обещали принести деньги не позже завтрашнего утра и забрали лекарства. А Махамат-ака всё сильнее тревожился, сердце готово было разорваться. Каждая секунда, каждая минута могла решить жизнь сына; его судьба зависела только от этих лекарств. Не принесёт немедленно – опоздает.

Когда они с тысячью тревог вернулись в больницу, в

реанимации было тихо. Дверь открыла смуглая медсестра, молча взяла лекарства и снова заперла. На вопросы измученного отца ответила коротко:

– Мы-то стараемся, но вся надежда на Бога!

Махамат-ака остался здесь, а приятеля послал в деревню за деньгами.

– Скорее возвращайтесь. Вдруг что случится, чтобы я один тут не стоял, – попросил он.

Поздней ночью появилась надежда, что мальчик выживет. А утром та же смуглая медсестра вышла и велела принести жидкой еды.

– Кому?! – спросил Махамат-ака, всю ночь не сомкнувший глаз, не веря собственным ушам.

– Ну и чудак вы! Если бы мне, я бы сама пошла поела. Сыну вашему!

Ему захотелось обнять медсестру, крепко-крепко расцеловать её лицо, глаза. Радовался, волновался, не находил себе места. Задыхаясь, улыбаясь, смеясь и здороваясь с каждым встречным, побежал к больничным воротам: если ест, значит, будет жить. Жена сидела там на деревянной скамье, бледная, клевала носом; от плача у неё уже и слёзы иссякли. Она пошла следом, ещё не понимая поведения мужа: радуется он или умом тронулся?

В полдень Махамат-ака отправился в Камаргарон, к ишану, которого семья считала своим духовным наставником, чтобы тот прочёл молитвы за сына и сделал амулет. Слова

медсестры – «Вся надежда на Бога» – действовали: всю ночь он молил Аллаха. Поверил, что сын спасся благодаря молитвам их наставника. Потому хотел принести ишану жертвоприношение и, если положен какой-нибудь обряд, исполнить его.

– Недобро случилось, – спокойно сказал ишан Собитхон, человек среднего роста, полный, с аккуратно подстриженной бородой, в которой уже появилась седина. Он терпеливо, внимательно выслушал рассказ, прерываемый тяжёлыми вздохами. – Всё это Божья воля. Вот ведь жив остался.

– Я и хотел спросить: какой-нибудь обряд положен?

– Суеверия вне религии, – отчитал его Собитхон.

– Простите... – Махамат-ака растерялся. С ним всегда так: возле ишанов, верующих чувствует себя двоечником на экзамене, будто любое неверное слово они прямо Богу передадут. – Я человек неучёный... У нас так говорят. Я хотел спросить, в шариате есть какие-нибудь правила для тех, кого змея укусила?

– Ничего лишнего не нужно. Хорошо сделали, что к врачу отвезли... Сейчас амулет напишу. Прикрепите к какой-нибудь одежде мальчика, поможет, от бед убережёт. Только пусть всегда при нём будет. И в каждом намазе буду за него молиться, всё пройдёт, будто ничего не было.

– И только это?

– А что ещё нужно? – удивился ишан, не ожидавший такого вопроса. Обычно он пишет амулет, и пришедшие за спа-

сением молча уносят. А этот... Видно, и сам ишан толком не знал, что ещё предписывает шариат при змеином укусе.

– Я так, к слову... – Махамат-ака понял, что опять сказал что-то не то. – Хотел сказать: если велите ещё что-нибудь ради Бога сделать, мы бы с радостью исполнили.

Видно, Махамат-ака добрыми делами хотел сделать Бога своим должником.

Собитхон, кажется, прежде с таким не встречался. Подумал и наконец, будто нашёл выход, поспешно заговорил:

– Есть один путь. Только подойдёт ли вам? По силам ли будет?

– Скажите, постараемся, сколько сможем, – упавшим голосом ответил Махамат-ака. Подумал: видно, ишан тяжёлое условие поставит. Боялся, что не справится.

– Если намерение у вас твёрдое, – продолжил ишан, – хорошо бы посвятить жизнь этого ребёнка религии. Раз Бог вернул ему жизнь, пусть служит на пути истины.

– То есть? Как?

– Я хочу сказать: отдайте к мулле, пусть учится по-старому. Станет муллой, будет призывать людей к вере, к добру... Сами видите, теперь люди другие. Верующих всё меньше, все коммунисты. Мусульманская вера ослабла. Скоро и людей, которые толком знают ислам, не останется.

– Так это же легко! – воскликнул Махамат-ака от радости. – А я думал, что ещё за беда... Конечно, отдам учиться! Что я теряю?

Из дома ишана он вышел лёгкий, как птица.

Теша-ака, заложив руки за спину и тяжело дыша, вошёл в старый дом на пологом холме. Говорили, что в начале века эту хижину построил дед Нормурода и Теша – Бекмурод. Дом был дорог и их отцу Нодиру, без вести пропавшему на войне. Нормурод здесь кормил и растил младших братьев, женился, обзавёл их домами, а сам так и не ушёл отсюда.

– Это благодатный дом, – всегда говорил он. – Здесь запах моего деда, моего отца. На каждом камне, на каждом дереве остались следы их рук, на всё это падал их взгляд.

Теша-ака такое преклонение перед предками, такая чувствительность к прошлому казались странными. Он ведь сиротой вырос: слово «отец» для него лишь безучастный звук. За ним нет ни определённого чувства, ни волнения, ни воспоминания.

Позже, после войны, Нормурод-ака собрал людей на хашар, общую помощь, и возле хижины поставил ещё один глинобитный дом. Теперь и тот обветшал.

Двор безлюден, пуст, вокруг беспорядок: разбросаны комья земли, обломки досок, разный мусор. Двери и окна сняты, дом превращён в развалины. В углу айвана с разобранной крышей свалены узлы. На суфе кое-как сложены брёвна и доски – длинные, короткие, толстые, тонкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.